
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Новым годом, дорогие друзья!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 1 (2010)

1 ЯНВАРЯ 1966

БУ—БИ...

(См. стр. 4, 5)

Эти фотографии были сделаны в предновогодней Москве. Шел еще прошлый, 1965-й год. Рестораны уже украсились нарядными елками и ждали гостей. Многолюдно было на улицах, оживленно—на катках. А в первом мартеновском цехе завода «Серп и молот» шел уже 1966 год. Сталевары Герой Социалистического Труда М. Г. Гусаров и В. А. Яковлев варили сталь в счет будущего года.

Фото В. Будана и В. Соболева (ТАСС).

США: страх и неуверенность

Леонид ВЕЛИЧАНСКИЙ

До отправки в Южный Вьетнам первая авиадесантная дивизия стояла в Джорджии, в Форт-Беннинге. Семьи солдат и офицеров жили рядом в городке Каламбос. После того как в середине ноября части этой дивизии понесли жестокое поражение в долине Ядранг, в Каламбос одна за другой стали приходить телеграммы с извещениями о смерти солдат. А вслед за ними стали прибывать длинные серые ящики с телами убитых. В американской армии к мертвым относятся почтительнее, чем к живым. Каждому полагается гроб, звезднополосатое знамя и бесплатный проезд на транспортном самолете до военного аэродрома, а далее на поезде или машине до места, где живут его родственники. Сколько таких серых ящиков, покрытых знаменами, прибыло в Каламбос, неизвестно. Но похороны в этом городе теперь происходят каждый день. Каждый день с кладбища доносятся нестройные ружейные залпы салюта, каждый день свежие могилы покрывают ярко-зелеными матами — искусственной травой.

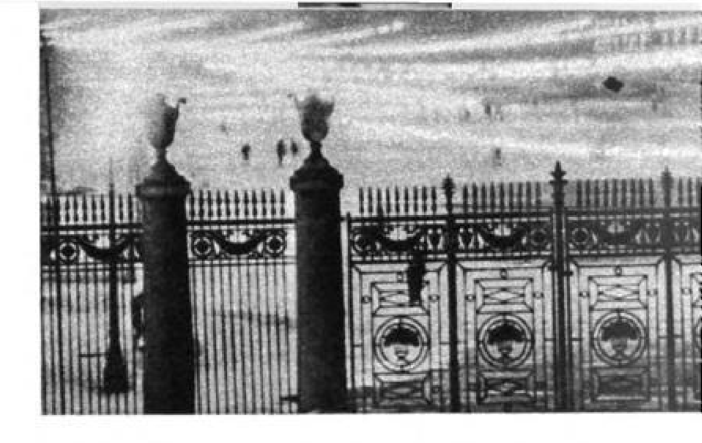
Извещения развозят по вечерам. И уже с утра молодые женщины с тревогой ждут наступления темноты. Каждая надеется, что сегодня постучат не в ее двери, и каждая боится худшего. Чтобы не пугать соседку звонком или стуком в дверь в эти страшные часы, солдатки, прежде чем навестить друг друга, звонят по телефону.

Американский журналист взял интервью у нескольких солдаток в Каламбосе. Их мужья еще были живы. Но они обсуждали, где лучше похоронить их — на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне или в Форт-Беннинге, где они служили. Обсуждали, что нужно отвечать, когда маленькая дочка спрашивает: «А моего папу убьют?» Ведь если говорить «нет», то потом, когда убьют, девочка больше не будет верить матери. Женщины даже улыбались. А журналист написал: «Проведешь с ними полчаса за чашкой кофе, а потом всю жизнь будешь стараться забыть выражение их лиц». Могут сказать, что Каламбос нетипичен. И это правда. Нет в Америке другого города, в который за такой короткий срок было бы доставлено столько похоронных. Но правда и то, что город представляет собой как бы концентрат страха и неуверенности, охвативших сейчас, перед наступлением нового, 1966 года всю Америку.

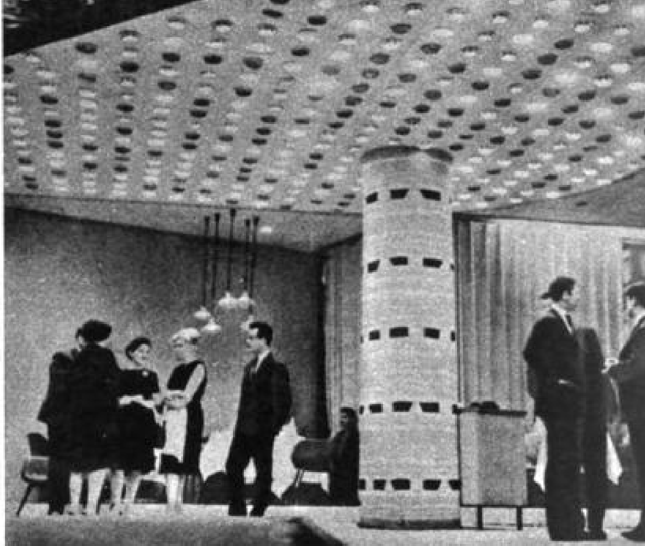
Перед наступлением 1965 года в Южном Вьетнаме было 26 тысяч американских солдат. Сейчас их там около 200 тысяч. А сколько их будет послано туда в новом году? Всего несколько месяцев назад в армию призывалось пять тысяч человек в месяц, сейчас — сорок тысяч. До недавнего времени призывали только холостых, сейчас в некоторых штатах этот контингент исчерпан, и в армию стали призывать семейных. Миллионы людей встревожены тем, что «маленькая грязная война» быстро превращается в большую и может дойти до мировой катастрофы.

НАЧАЛО

Новый год — это всегда рубеж. Граница между годами, прошлым и будущим, между делами — теми, что закончены, и теми, которые еще предстоят. Нынешний Новый год — граница особенно четкая: она разделяет завершающий год семилетки и первый год пятилетки.

Последние дни декабря напряженно работали телеграф, телефон, почта, радио. Летели в самолетах, мчались в поездах, звучали в проводах и в эфире миллионы поздравлений, миллионы добрых пожеланий, миллионы новостей.

— С Новым годом, дорогие полярники! — поздравляют ленинградцы.

— Триконтиненталь! — радирует далекая Куба, выражая этим словом девиз первой конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки.

— Американки не хотят становиться солдатками и вдовами. Невеселый Новый год приходит в США,— сообщают из-за океана.

— С новым счастьем! — доносятся голоса всего мира до Московской международной телефонной станции.

Гудят, гудят телеграфные провода. Переполнен эфир разноязыкой речью. Новости, поздравления, рапорты...

Рапортуют республики о выполнении годовых планов.

Гидростроители встречают год 1966-й штурмовыми днями на Нарыне и Вахше. Металлурги сообщают о сверхплановых тоннах металла, рыбаки — об успехах на океанских нивах.

Две цифры популярны в эти дни — 1966 и XXIII. Две эти цифры не случайно стоят вместе. XXIII съезд КПСС станет важнейшим событием года. Этому событию посвящены тысячи громадных дел года минувшего и года наступившего.

— Съезду! Съезду! Съезду!— гудят провода...— Металл... Хлеб... Нефть... Хлопок...

— Новый большегрузный автомобиль. Начато массовое производство! — гремит седой Урал.

— Крупнейшая в мире доменная печь имени XXIII съезда КПСС дает чугун!— вторит украинский город Жданов.

— Второй раз встретили Новый год. Сначала в июне, когда выполнили семилетку. Теперь Новый год — календарный. Наш подарок — 40 миллионов сверхплановых тонн! — рапортуют нефтяники Татарии.

Год 1965-й ушел в историю. Год 1966-й уже взял в руки штурвалы кораблей и самолетов, рычаги экскаваторов, он прильнул к окулярам микроскопов и телескопов.

Шагай смелее по планете, 1966-й! Счастья и мира тебе!

О чем бы ни заговорили американцы между собой, разговор их почти неизбежно переходит на вьетнамскую тему. Незадолго до Нового года американцы радовались достижениям своих соотечественников, совершивших групповой полет в космосе. Но и эта радость была отравлена сопоставлением достижений человека в космосе и неспособностью устроить свои земные дела. Среди ликующих возгласов вдруг раздавался тревожный вопрос: не уничтожит ли человек жизнь на Земле раньше, чем убедится, существует ли она на других планетах?

Выходящая в Мадисоне газета «Кэпитал таймс» закончила свою статью об «историческом марше покорителей космоса» пессимистическим рассуждением: «Быть может, это последнее доказательство того, что наш технический прогресс опередил наше моральное развитие и что мы обречены».

«В то время как наши космонавты точно вышли на свидание в космосе,— писала газета,— наши молодые люди выходили на свидание со смертью в джунглях Вьетнама».

Согласно опросам населения, 35 процентов американцев считают, что нынешняя политика во Вьетнаме приведет к новой мировой войне. Никакие заверения Вашингтона о том, что он стремится к достижению мира, не могут рассеять эту тревогу. Американцы не верят официальным заявлениям, даже комментаторы, поддерживающие официальную политику, признают, что никогда так много американцев не сомневалось в правоте своего правительства.

Представитель Соединенных Штатов в ООН Гольдберг назвал это «кризисом доверия». Апологеты агрессии во Вьетнаме любят ссылаться на опросы населения, которые якобы показывают, что большинство народа продолжает поддерживать нынешнюю политику Соединенных Штатов. Но, по данным тех же опросов, только 15 процентов американцев считают, что их правительство говорит народу правду. Почти столько же — 13 процентов — считают, что оно никогда не говорит правду, а остальные убеждены, что им сообщают правду лишь «иногда», когда это удобно.

Но поговорите с несколькими американцами, которые на вопрос: «Поддерживаете ли вы нынешнюю политику во Вьетнаме»?— отвечают: «Да». Среди них почти наверняка встретится человек, который согласится со всеми доводами против этой войны. Но скажет: «Поймите, мы великая держава, еще не потерпевшая поражений ни в одной войне. Как можем мы уйти побитыми из Вьетнама, о существовании которого несколько лет назад мы даже не знали?» Это распространенная теория «спасения лица». Но число сторонников этой теории постепенно тает. Люди узнают подробности о зверском характере этой войны, о том, что во всем мире растет ненависть к американцам, как к агрессорам и детоубийцам. И они начинают понимать, что нельзя спасти лицо, покрывая его несмываемым позором.

С войной во Вьетнаме связано много других тревог. Газеты сейчас широко обсуждают возможность увеличения налогов в 1966 году.

Американцы с беспокойством ждут, что в связи с увеличением военных затрат будут сокращены расходы на так называемую «войну с нищетой» и на все другие гражданские нужды.

Судя по сообщениям из Вашингтона, тревога и неуверенность относительно перспектив 1966 года царят и на самых верхах политической пирамиды США.

«Страхи омрачают тайные мысли президента Джонсона, государственного секретаря Раска и министра обороны Роберта Макнамары,— писала на днях газета «Нью-Йорк пост».— Во-первых, страх вызван постоянно растущей силой движения за мир в этой стране. Каждый день увеличивается список жертв в Южном Вьетнаме, каждый день подкрепляется впечатление, что мы увязли в сыпучих песках Юго-Восточной Азии, а это делает движение за мир более сильным».

Во-вторых, газета связывает страх с реакцией социалистических стран на дальнейшее расширение вьетнамской войны.

Невеселый Новый год приходит в Америку.

Нью-Йорк,
27 декабря 1965 года.

Об этом убитом американце извещение еще не послано...

БУ-БИ... И ЕГО ПЕРВАЯ УСЛУГА

▲ Олег Дмитриевич Дубко узнал о рождении Олега и Игоря по возвращении в лагерь из ледовой экспедиции. Не успел он выйти из самолета, как его подхватили на руки зимовщики и давай качать! Радист протянул молодому отцу телеграмму: «Поздравляем восхищаемся рождением двух сыновей тчк всей души желаем успешного дрейфа тчк по поручению коллектива Трешников».

По счастливой случайности мы приехали к Ирине Викторовне Дубко в день, когда близнецам исполнилось по восемь месяцев. Это тоже дата...

Вот они какие! Любуйтесь, Олег Дмитриевич!

▲ Полярный шеф-повар Борис Павлович Суриков хлопочет на льдине у плиты, а его сын тоже изо всех сил старается... на льду в ЦПКО имени Кирова. Игорь впервые встал на коньки. Среди 600 малышей, занимающихся в школе фигурного катания, он один из самых прилежных. ◀

Владимиру Львовичу Овсянникову, руководителю ионосферной группы, этот снимок ни о чем не говорит. Но мы прокомментируем: вот какой вид открывается из окна вашей новой квартиры, Владимир Львович... ▼

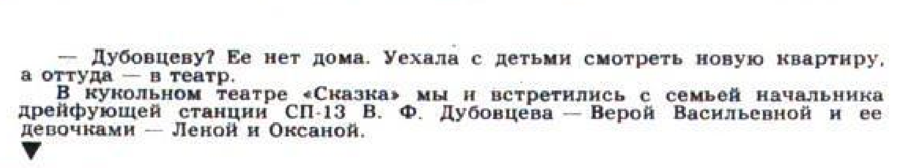
▼

◀ Николай Макурин ведет метеорологические наблюдения на дрейфующей льдине, а его жена Галина Александровна в институте обрабатывает полученные им данные... На их основе и составляется прогноз погоды в Арктике. ▶

— Дубовцеву? Ее нет дома. Уехала с детьми смотреть новую квартиру, а оттуда — в театр.

В кукольном театре «Сказка» мы и встретились с семьей начальника дрейфующей станции СП-13 В. Ф. Дубовцева — Верой Васильевной и ее девочками — Леной и Оксаной.

▼

Прежде всего расшифруем нашу рубрику. Бу — Би — новый раздел журнала: «БЮРО УСЛУГ — БЮРО ИНФОРМАЦИИ. «Огонек» показывает, советует, предостерегает».

Трудно нам сразу определить круг деятельности Бу — Би, круг его услуг. Мы, например, будем выполнять просьбы наших читателей, оказавшихся где-то очень далеко от родных мест. «Что нового в моем городе, на моей улице, на моем заводе, в моем институте?.. Расскажите и покажите...» Будем публиковать разные советы о разном, а порой дружески предостерегать: «Не делайте так, как вы делаете сейчас...»

Сегодня Бу — Би оказывает свою первую услугу — выполняет радиозаявку ленинградских полярников со станции СП-13, прежде всего тех, с кем волею случая подружился «Огонек», когда сравнительно недавно там побывал наш фотокорреспондент Лев Шерстенников. Привез он оттуда целую «портретную галерею» мужественных людей. Заявки некоторых из них мы сегодня выполняем. А просьба у всех одна и та же — «Побывайте в наших семьях... Расскажите... Покажите... И не забудьте журнал прислать...»

Мы передали эту заявку нашим корреспондентам, строго наказав им: «...И не забудьте журнал послать!» Итак, первый репортаж Бу — Би ведут Николай Ананьев, Константин Черевков и Лев Шерстенников.

Нас пятеро — три журналиста и два фотоаппарата. В наших записных книжках множество адресов. Девять месяцев минуло с тех пор, как исследователи Арктики улетели с берегов Невы. Сколько разных событий произошло за это время в их семьях?!

Но наши фотообъективы должны зафиксировать самые что ни на есть последние, свежие новости, не успевшие еще «домчаться» на дрейфующую льдину. А их оказалось столько, что мы не смогли все уместить в этот репортаж. И пусть не обижаются на нас за это дорогие наши друзья-полярники.

▲ У Леночки и Максима Галкиных разбегаются глаза: как много всяких елочных игрушек в «Детском мире»! Он открылся совсем недавно, рядом с новым домом на улице Героев, куда въехала семья полярника Р. М. Галкина. Новоселье решили справлять, когда отец вернется. ▼

На льдине все новости с материка первым узнает Владимир Терентьев, начальник радиостанции СП-13. Шестой раз за свою недолгую жизнь он зимует в Арктике. Его трудно чем-нибудь удивить. И все же...

— Смотрите, Владимир Иовович! Вот новый ленинградский мост, Александра Невского... И шагает по нему инженер-геодезист, ваш отец Иов Григорьевич Терентьев, один из тех, кто этот мост строил... ▶ ▼

Таня Виноградова все рассчитала: когда папа вернется на Большую землю, в школе начнут изучать Арктику... Вот будут ей завидовать тогда в классе! Готовьтесь, Евгений Яковлевич, в школе вас уже ждет любознательная, пытливая аудитория. ▼

▲ — Примите новогодний привет с льдины.

И мы вручили Наталье Семеновне фотографию ее сына — инженера группы аэрологов дрейфующей станции, Евгения Яковлевича Демидова.

Радуется мать полярника, радуется Маша Резвина, подруга Евгения. ▼

В зоопарке ребята чувствуют себя, как на льдине.

— У нас ведь тоже есть белые медведи! — радуется Саша.

— И тюлени! — подхватывает Аркадий.

Саша — сын старшего метеоролога с СП-13 Артемьева (фото внизу), а отец Аркаши — полярный врач Данилевский. ▶ ▼

Когда верстался этот номер, нам позвонили из Арктического и Антарктического института.

— На дрейфующую станцию СП-13 снаряжается самолет. Он доставит зимовщикам новогодние письма, подарки, елки. Можно этим рейсом переслать на льдину фотографии, которые вы готовили для новогоднего репортажа. Хотите отправить?

— Да, конечно... Спасибо...

Это здорово!.. Может случиться, что сейчас вместе со многими читателями «Огонька» на Большой земле эти фотографии, сделанные нами в Ленинграде, уже рассматривают там, на льдине, в Арктике, и те зимовщики, чью заявку с большой готовностью выполнил Бу — Би.

ТРИКОНТИНЕНТАЛЬ

Анатолий СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

Самолет как-то неожиданно прорывает облака, и в окно видна кубинская земля. Стюардесса объявляет: в Гаване двадцать градусов тепла. Аэропорт встречает гудящими на ветру национальными флагами Кубы и огромным плакатом, на котором соединились в крепком рукопожатии трое — азиат, африканец и латиноамериканец.

Триконтиненталь! Новое словообразование. Триконтиненталь — это сжатое и очень выразительное обозначение первой конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Машина мчится от аэропорта в Гавану, и ты сразу вовлекаешься в кипучий ритм кубинской жизни. Клонятся под ветром массивы сахарного тростника. На складах выгружаются сельскохозяйственные машины. Мчатся грузовики, доверху загруженные мешками с цементом. Строители в комбинезонах поднимают новые заводы. Проносятся мимо желтые, оранжевые, красные автомашины. Трепещут на ветру красные полотнища на белых древках, что стоят посредине дороги от аэропорта до самой Гаваны — 16 километров пути. И то справа, то слева плакаты, щиты, транспаранты — **Триконтиненталь.**

Так встречает социалистическая Куба представителей Азии, Африки и Латинской Америки, собирающихся на революционном острове на

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, ЛЮДИ!

Я. МИЛЕЦКИЙ

Сначала я думал, что задал себе непосильную задачу: навязаться в свиту к Его Величеству Новому году, пройтись с ним по планете и успеть рассказать об этом путешествии в новогоднем номере журнала. Однако выяснилось, что это фантастическое на первый взгляд желание вполне выполнимо. Я полностью удовлетворил свое любопытство, когда накануне 1 января попал на междугородную телефонную станцию. Не нужно фантазии, чтобы точно представить, что произойдет здесь в новогоднюю ночь. Она будет такой же, как и год назад. Когда я уходил со станции, мне почудилось, что я уже встретил 1966 год. Вот как это будет.

Сотни телефонисток сидят за пультами, растянувшимися из конца в конец аппаратного зала. Большие настенные часы показывают пять часов вечера. Время московское. Жители столицы только закончили последний трудовой день шестьдесят пятого. На улицах, в магазинах, в метро — предпраздничная сутолока.

А в Петропавловске-на-Камчатке люди уже два часа живут в будущем году. Скоро Его Величество пожалует во Владивосток.

— Алло, Владивосток!

Зоя Харламова, столичная телефонистка, вызывает свою подругу, которая сидит за пультом на другом конце канала. Кто сегодня дежурит? Не Рая ли? Надо справиться, как здоровье детишек. Ну, а если дежурит Аня, одна из старейших владивостокских телефонисток, еще раз поздравить ее с новосельем да узнать, есть ли вести от мужа и скоро ли вернется домой его китобойная флотилия.

— С Новым годом, Владивосток! Здравствуй, шестьдесят шестой!

Зоя торопится. Наступают часы «пик». Растет стопка телефонных заказов. Скоро Зоя услышит, как и в прошлые годы, уже знакомый ей голос. Мать будет вызывать сына-моряка. В эту новогоднюю ночь ей не придется долго ждать. На станции новинка: Зоя прямо на своем пульте наберет владивостокский номер и скажет матери:

— Ваш сын у телефона...

Время мчится, неся на своих могучих плечах Новый год. Чита, Новосибирск, Омск, Свердловск... В проводах гулко отдается веселое и звонкое: «С Новым годом, товарищи!» Его Величество подходит уже к Волге, отсюда ему всего час ходу до Москвы.

...Я уже в другом зале. Передо мной страны мира, вернее, их столицы. У каждого города своя полномочная представительница — москвичка. «На Вене сидит» блондинка. Гавану представляет, как и положено, брюнетка. У «римлянки» ярко-рыжие волосы.

Все тот же — но на этот раз разноязыкий — гомон. Он не умолкает ни на минуту. Шутка сказать: более полутораста тысяч разговоров ведется через эти залы в течение суток!

Чем ближе к полуночи, тем быстрее растет груда новогодних поздравлений на столе начальника Центральной междугородной станции Натальи Владимировны Малышевой. Со всей страны, со всего мира. Даже из далекого Королевства Бурунди. Очень понравилось телефонисткам поздравление из Рима. На красочной картинке место за телефонным пультом занял... Дед Мороз.

Вместе с этой фотографией редакция получила адресованный Юлии Лепп новогодний привет. Вот он: «Дорогая Юля! Мне хочется передать тебе мои самые сердечные пожелания. Я часто вспоминаю часы, которые мы вместе провели в Москве. Всюду, где бы я ни побывала тогда, меня тепло, дружески встречали. Хочу еще раз от всего сердца поблагодарить тебя за все и надеюсь, что мы скоро снова увидимся. С Новым годом!
Твоя Рут».

Когда корреспондент ТАСС в Париже В. Сысоева по нашей просьбе позвонила Мадлен Люэн, произошло небольшое недоразумение. Мадлен подумала, что в Париж приехала Людмила Орлова. «Даже сердце застучало,— говорила она.— Где Людмила? На аэродроме, на вокзале, в гостинице?» А закончила она так: «Передайте новогодний привет Людмиле. И этот снимок. Хотелось бы получить и ее фотографию. Тоже с детьми».

Мы выполняем эту просьбу.

Юлия Лепп: — С Новым годом, Берлин!

свой первый конгресс. Большой путь прошло движение солидарности. Зародившееся на необъятных просторах Азии более чем десятилетие назад, оно сомкнулось с освободительным движением Африки в конце 1957 года в Каире, только отбившем натиск империалистов, которые пытались поставить на колени мужественный народ Египта. Не так уж много лет прошло с тех пор, но не затихает борьба народов Азии и Африки за свободу и национальную независимость. Героические сыны Анголы, Мозамбика, так называемой «португальской» Гвинеи, Южной Родезии ведут борьбу с колонизаторами.

Внимание и сочувствие всего мира приковано к небывалой по героизму, стойкости и мужеству борьбе вьетнамского народа с американскими интервентами, варварски истребляющими народ Южного Вьетнама, бомбардирующими мирные города и селения Демократической Республики Вьетнам.

Газеты и радио Гаваны приносят все новые и новые сообщения о борьбе патриотов Доминиканской Республики с войсками американских интервентов. В Санто-Доминго новые жертвы. Подтягиваются новые военные контингенты против маленького народа, исполненного железной решимости бороться до конца за свободу и независимость. Здесь, поблизости от Доминиканской Республики, с особой силой ощущаешь мужество этого народа. Ясно чувствуешь могучую силу солидарности народов трех континентов, их единство и неколебимую уверенность в окончательной победе над империализмом и колониализмом. Поэтому так горячо встретили здесь представителей сражающегося Вьетнама, представителей всех народов, составляющих могучий антиимпериалистический фронт.

Гавана встречает гостей в знаменательную для себя седьмую годовщину победы кубинской революции. Куба живет напряженно. Строит новую жизнь с оружием в руках. Гавана готовится к своему празднику, готовится к Новому году. Улицы Гаваны по вечерам сверкают яркими огнями. Толпы юношей и девушек заполняют их. В университетском районе молодежь экзаменует друг друга. В университете и в школах идет напряженная учеба. На спортивных площадках — тренировки и игры. На площади Революции сотни молодых рабочих высаживают деревья, монтируют аттракционы, готовясь к встрече Нового года. В музеях открываются новые художественные выставки. Только на днях закончились в Гаване прошедшие с большим успехом гастроли Государственного симфонического оркестра СССР — дирижер Кирилл Кондрашин. Гаванцы с одобрением говорят о мастерстве советских музыкантов В. Климова и Е. Малинина, до сих пор с

восхищением вспоминают выступление Майи Плисецкой. На днях председатель Национального Совета культуры Кубы Карлос Лечуга и заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Михаил Песляк подписали план культурного сотрудничества на 1966 год между Кубой и Советским Союзом...

В эту Гавану, овеянную славой первой социалистической страны в западном полушарии, и собираются сейчас борцы за свободу и национальную независимость Азии, Африки и Латинской Америки.

Гавана раскрывает им сердце.

Куба. Декабрь 1965 года.

Рита Веншау: — Поздравляю тебя, Ханка!

По просьбе «Огонька» корреспондент «Правды» в Варшаве Я. Макаренко взял короткое интервью у Ханки Боратынской.

— Минувший год был в основном хорошим. Я верю, что 1966-й будет еще лучше. В наших силах сделать его таким. Большой новогодний привет моим московским коллегам, особенно Рите Веншау. Ты слышишь меня, Рита? Алло!

Особенно изощряется в дифирамбах по адресу связистов наш брат журналист, для которого они первые друзья и помощники. Вот что написал, обращаясь к телефонисткам, писатель Лев Кассиль:

«Прошу вас... Соедините меня скорее с Новым годом! Ведь я-то хорошо знаю, как мастерски, неутомимо и точно работаете вы на сложнейших линиях связи... Наши голоса без вас не были бы услышаны в редакциях, заглохли бы безнадежно в Риме, Венеции, Скво Вэлли, Инсбруке, Токио, Берлине, Стокгольме и перешли бы в никому не нужный хрип. Но вы существуете, далекие, невидимые, но слышимые, отзывчиво откликающиеся...»

А вот корреспондент газеты «Юманите» в Москве Макс Леон:

«...я ежедневно вручаю свою судьбу — судьбу своих статей и репортажей — неизвестным людям, которые в несколько мгновений переносят меня в Париж. Эти волшебные, таинственные друзья имеют почти всегда нежный голос, но, подобно сказочным сиренам, не имеют лица. Я начинаю подозревать, что мои неизвестные очаровательные друзья обладают даром предвидения. По-видимому, они вызывают для меня Париж чуть-чуть раньше того момента, когда я прошу их об этом».

Я видел лица этих таинственных незнакомок и сказочных сирен: они милы и приятны, что могу засвидетельствовать.

Впрочем, уж полночь близится... До боя Кремлевских курантов лишь десять минут. Москвичам не до телефона. Хозяйки хлопочут, тамады готовят сногсшибательные тосты, нетерпеливые наполняют бокалы. У телефонисток — затишье.

Вдруг позвонила Варшава.

— С Новым годом, дорогая Рита! Вся наша семья тебя обнимает

— О милая Ханка! Как приятно, что я слышу твой голос в эту минуту! Будьте все здоровы и счастливы!

Рита Веншау — телефонистка Москвы. Ханка Боратынская сидит в эту минуту за пультом в Варшаве. Вас удивляет, что они так близко знакомы? Рита только недавно возвратилась из Варшавы, где она весь свой отпуск гостила у Ханки. Дружба их завязалась по телефону.

Они говорили по-польски. Прежде чем сесть за варшавский пульт, Рита изучила язык. Правда, это не обязательно. По существующим международным правилам разговор должен вестись между странами на французском языке. Им владеет любая международная телефонистка. Но обычно они изучают еще и тот язык, с которым сталкиваются по работе. Поэтому многие зарубежные телефонистки говорят по-русски, а у англичан по ночам специально для практики на станции дежурят студенты, изучающие русский язык в колледжах.

...Новый год на подступах к Москве. Еще один шаг к другому пульту — и я слышу Берлин. Оттуда звонит Рут Майкснер, она поздравляет Юлию Лепп, что сидит сейчас за берлинским пультом. Они говорят по-немецки. Ласково, улыбчато, как закадычные друзья. Ну, конечно же, и их сдружил провод Москва — Берлин.

— Как твои занятия? — спрашивает Рут.

— Хорошо,— отвечает Юлия. Она учится на четвертом курсе инженерно-строительного института.

Рут недавно побывала в Москве. У нее и у Юли оказалось много общего и во вкусах и в характерах: обе трудолюбивы и очень любят музыку. Юлия познакомила Рут с родными и с подругами на телефонной станции. Побродила с ней по столице, сводила в театры...

Внимание! Заиграли Кремлевские куранты. Двенадцать ударов. Его Величество Новый год пожаловал в Москву.

Но что это такое? Вызывает Париж.

— Алло, алло! Я Москва,— отвечает Людмила Орлова.

— Мадам Люси, добрый вечер! Я и мои подруги поздравляем вас с Новым годом!

— О, мадам Мадлен, большое спасибо! Примите и наши наилучшие пожелания!

— Как ваши сыновья, мадам Люси? Все ли хорошо?

— Все, все в порядке, мадам Мадлен. Здорова ли ваша мать? Кланяйтесь ей.

— Спасибо, мадам. Мы не будем вас беспокоить минут десять. В начале года полагается немного отдохнуть, иначе, говорят, он будет тяжелым...

У мадам Люси — Людмилы Орловой — два сына, которых знает вся «Москва — Международная». Многие должны помнить старшего, десятилетнего Женю, если смотрели кинокартину «От 7 до 12». Это он играет там главную роль — Толика. Когда шли съемки, Людмила Харитоновна провела со своим юным актером месяц в Ялте. Теперь его зовут сниматься в другом фильме, но мать боится, как бы это не отразилось на занятиях в школе.

Младший пошел по стопам старшего, хотя ему едва минуло пять. Он снимается в картине «Гвардии капитан», где играет не капитана, конечно, а мальчика Юру.

Мать учит мальчиков иностранным языкам. Ведь она окончила институт иностранных языков, владеет не только французским, но и испанским.

— Доброй ночи, мадам Моску!

— Доброй ночи, мадам Париж! — Людмила Харитоновна снимает с головы наушники.

Может, и в самом деле чуточку отдохнуть? Куда там! Аппаратный зал снова гудит, как встревоженный улей. Только поспевай соединять. Токио вызывает Свердловск, а Москва требует Ханой. Прага звонит в Днепропетровск, а Электросталь связывается с Хельсинки.

Мадам Люси смотрит на часы. В Париже полночь. Придется потревожить мадам Мадлен. Во французской столице гастролируют советские артисты — много заказов поступило от их родных и знакомых.

...Новый год шествует по миру. И гремит по всем проводам тысячеголосое:

— Будьте счастливы, люди!

Людмила Орлова и ее знаменитые сыновья.

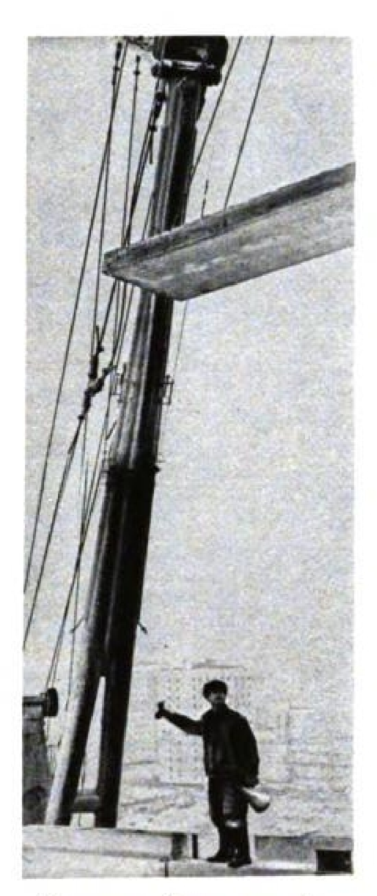
Очень многого в жизни человек не замечает, быстро привыкает к новому, которое скоро перестает быть новым, и трудно даже вспомнить, когда оно появилось, сколько ему от роду лет. Время приобрело удивительную способность уплотняться, стало тесным от множества громадных дел.

Особенно ясно и зримо мы ощутили это, когда взяли номер «Огонька», вышедший ровно двадцать лет назад. Там было напечатано несколько новогодних интервью. Каменщик, академик, летчик пытались представить, что ожидает советских людей в будущем.

И вот двадцать лет спустя корреспонденты «Огонька» встретились с людьми, чьи профессии сходны с профессиями мечтателей 1946 года, и попросили их дать интервью по поводу интервью, оставив прежние названия.

ИНТЕРВЬЮ ОБ ИНТЕРВЬЮ

ВРЕМЯ, СТАВШЕЕ ТЕСНЫМ

Владимир Затворницкий:— Вот как «кирпичи кладем»!

ЧТОБЫ СКОРЕЕ СНЯЛИ ЛЕСА...

«Недавно я и мои товарищи, каменщики Горев и Капитонов, за девять дней уложили целый этаж. Как-то я один выложил 32 128 кирпичей за 8 часов... Может быть, через несколько лет труд строителя не будет так тяжел, как теперь. Машины придут на помощь человеку, и кирпич будет укладываться механически. А каменщик станет «машинистом» на стройке...» Это двадцатилетней давности мечта знатного каменщика Москвы Ф. Парилова. Тогда, в 1946 году, он сказал «может быть» и слово «машинист» взял в кавычки. Знатный бригадир комплексной бригады коммунистического труда Владимир Затворницкий рассуждает сегодня иначе.

— Федора Парилова я знаю прекрасно. Двадцать лет назад, когда говорил он о своей мечте, я только начинал трудовую жизнь. Был тогда мальчонкой, учился строительному делу в школе ФЗУ. Не очень, честно говоря, лежала душа к этой специальности. Класть кирпичи — что картошку собирать. Пока это ряд за рядом подымешь десятиэтажный дом! Но один случай многое изменил в моей жизни.

Случай был такой. Собирались мы, молодежь зеленая, в клубе. На сцене — одни знаменитости, каменщики. Парилов в их числе. Речей особых не произносили. Зато прямо на сцене — кирпичи, раствор... Ну, думаем, будет работка. И верно. Как схватились, как пошло дело, мы аж рты от удивления разинули. Кирпичи мелькают, раствор шлепается, и на глазах растет каменная стена.

Здорово работали мастера, ничего не скажешь. Раз! — и четыре кирпича уложены. Раз! — и еще четыре. Да ровненько, как полагается. Потом, когда я уж наловчился, тоже пробовал — не получалось.

И вот, как говорится, отстукало двадцать лет. Нам, тогдашним мальчишкам, выпала честь осуществить мечту Федора Парилова. И осуществили. Подъемные краны переносят блоки, панели, целые квартиры. И уж не каменщики мы, а машинисты. Наша бригада строит 12-этажные дома. Растут они быстро, как грибы. Рекорд Федора Парилова, можно сказать, побиваем каждый день без особых усилий. Устанавливаем, скажем, панель. Она заменяет сразу 3 тысячи кирпичей. А времени на ее установку — 10—15 минут.

А теперь помечтаем. Я думаю так: пройдут годы, и строить станет еще легче. Машина еще больше будет помогать человеку. И техника придет другая, и строительный материал станет иной. Легче весом. Иначе будет собираться. А может быть, будет что-то совсем другое, о чем трудно и мечтать.

Есть у меня и другая мечта. Нам, строителям, очень уж хочется создавать не только дома прочные, но и красивые, удобные. Хочется, чтобы домики стояли на улицах Москвы, как игрушки, чтоб радовали глаз, чтоб были они современными, разнообразными... Пусть над этим подумают архитекторы. А пока, к сожалению, получается так, что из года в год строим мы дома-близнецы.

НАШИ ПУТИ

Академик Владимир Николаевич Образцов, крупнейший советский специалист по транспорту, двадцать лет назад мечтал о новых железных дорогах в Сибири и Казахстане, об электрификации транспорта, о тяжелых рельсах и щебеночном балласте, о тяжеловесных поездах, об экспрессах, мчащихся со скоростью сто километров в час. Владимир Николаевич мечтал о самолетах на 100—200 мест, о каналах, соединяющих наши северные моря с южными, о сети автомобильных трасс, о метро в Ленинграде и Киеве.

Корреспондент «Огонька» попросил прокомментировать мечты, которым сегодня исполняется 20 лет, директора Центрального института научной информации и пропаганды железнодорожного транспорта А. А. Аветикяна.

— То, о чем мечтал Владимир Николаевич Образцов, в наши дни стало буднями. Взгляните на карту железных дорог страны. Сколько на ней новых линий, которых не было раньше, в том числе в Сибири и Казахстане! Общая протяженность дорог за это время возросла на 18 тысяч километров.

Владимир Николаевич только мечтал о широкой электрификации железных дорог, а сегодня электровозы заменили паровые локомотивы на таких магистралях, как Москва — Байкал, Ленинград — Ленинакан, Москва — Свердловск. Появились новые, более экономные электровозы переменного тока. Паровозы отжили свой век, их уже больше не строят. К 1970 году железнодорожный транспорт полностью перейдет на электровозы и тепловозы.

В 1945 году еще только шел разговор о тяжелых рельсах и щебеночном балласте. Теперь это уже не новинка, вы можете их встретить почти на всех главных магистралях. Путейцы пошли дальше. Вместо обычных укладывают рельсы тяжелых типов длиной до восьмисот метров.

В. Н. Образцов говорил, что улучшение пути позволит увеличить скорость пассажирских поездов до 100 километров. Для нас сто километров — вчерашний день. Экспресс «Аврора» идет от Ленинграда до Москвы всего 4 часа 59 минут, развивая на отдельных участках скорость 160 километров в час.

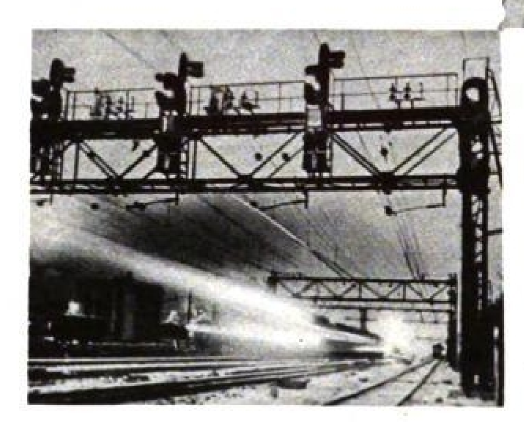
За последнее время на стальных путях появились новые типы отечественных электровозов. Грузовой «ВЛ80к» выпущен Новочеркасским заводом. Этот мощный локомотив способен везти состав весом до 8 тысяч тонн. Недавно в Тбилиси в подарок XXIII съезду партии построен первый пассажирский скоростной электровоз переменного тока «ВЛ40».

В будущее заглядывают и вагоностроители. Конструкторы Рижского завода работают над созданием сверхскоростного электропоезда для линии Москва — Ленинград. Цельнометаллический, сигарообразный экспресс промчится со скоростью 250 километров в час. Комфортабельные, герметически закрытые вагоны будут оборудованы установкой, поддерживающей заданную температуру и влажность воздуха.

Но самое главное даже не это. Повысилась интенсивность эксплуатации железных дорог. Тяжеловесные поезда весом не только в четыре-пять тысяч тонн, о чем мечтал Владимир Николаевич, но и в шесть и более, стали обычным явлением. Заметьте, что состав весом в шесть тысяч тонн — это уже километр.

Все это лишь малая доля тех новинок, которые получили постоянную прописку на наших железных дорогах.

А. Николаев: — Достижения последних лет—только начало...

А. Аветикян: — А на отдельных участках скорость — 160 километров в час...

ВЗГЛЯД НА ГЛОБУС

«Под Новый год я встретился с известным конструктором Андреем Николаевичем Туполевым и, беседуя с ним по своим делам, размечтался. «Вот бы слетать вокруг Земли!..» — говорил я, показывая на глобус. Андрей Николаевич тут же набросал эскиз удивительно интересного самолета, в котором проявились черты будущих машин, и мы, разглядывая чертеж, представляли себе, как было бы хорошо полетать вокруг света. Мы мечтали. Я поворачивал глобус: океаны и материки медленно проходили под моим взором». Это мечты Героя Советского Союза М. М. Громова. А теперь предоставим слово летчику-космонавту Герою Советского Союза А. Г. Николаеву.

— Я и мои друзья космонавты видели это: океаны и материки медленно проходили под нашим взором. Но это был не глобус, а наша планета.

Недавно в вагоне пригородной электрички я услышал рассуждения одной старушки. «На Луну-то прилететь не диво,— говорила она,— а улететь обратно — вот в чем вопрос». В обсуждении этой проблемы приняли участие все окружающие. Толковали об опасностях космической радиации, о влиянии на человека состояния невесомости и порешили, что до посылки космонавта на Луну следует отправить туда робота, тем более что и возвращать на Землю его не обязательно.

Вот какой колоссальный скачок за сравнительно короткий срок сделала авиация. Нет, я не оговорился. Ведь космонавтика — это дальнейшее развитие авиации. Человек сначала научился летать в атмосфере, потом за ее пределами. И дорогу в космос наряду с учеными, врачами, инженерами готовили и летчики-испытатели, они—как саперы перед атакой: обезвреживали мины, резали проволочные заграждения и несли при этом потери.

Очень многие из них могли бы стать космонавтами. Для этого не требуется каких-то особых качеств, это уже вопрос тренировки, упорства в достижении цели.

Кстати, и история нашей авиации дает нам, космонавтам, много примеров мужества, самоотверженности, высокого мастерства. Взять хотя бы первых Героев Советского Союза, летчиков, спасавших челюскинцев. На примитивных самолетах без радиосвязи они летали в сложнейших условиях Севера, успешно выполняя задания. А перелеты экипажей Чкалова и Громова из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки! Ведь их самолеты в сравнении с современными машинами, не говоря уж о нашем корабле «Восток», были далеко не совершенны.

Поэтому вполне закономерно, что советский летчик первым поднялся в космос и облетел земной шар,— этот подвиг подготовлен всей историей нашей авиации.

Достижения последних лет — только начало. Представляю, как лет через двадцать — тридцать какой-нибудь командир космического лайнера, совершающего регулярные рейсы на планеты, будет в музее смотреть на корабль «Восток». Посмотрит и улыбнется: «Подумать только, что на таких штуковинах люди отважились подниматься в космос. Крепкие, видно, были парни».

А. Саханов. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

Е. Гудин. НА СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ.

В. Игошев. ДАЛЕКОЕ СТОЙБИЩЕ

БЕЛЫЙ СНЕГ

Борис КАУРОВ

И этот год провожаю в дороге.

Бежит она, ветровая, зыбкая, посреди снегопадного безмолвия, шуршит гравием районных столиц, прямиком влетает в сизоватую улочку бревенчатого заселка.

Нет, не гладкая она, эта дорога. Она — как сама жизнь: и ухабами трясет и заторами громоздится. И меты у нее свои, памятные.

Казалось бы, что тут особенного: в декабре, на последних рубежах этого года, в степи лежит белый снег. Чистый. Слепящий. «Эка, загнул!— подумает иной.— Белый снег... А каким же он бывает? Черным?»

Да, был он и черным. И, радуясь нынешнему хлебному снегу, вспоминаю я эту дорогу, по которой проезжал год назад, в декабре 1964-го.

От станции Шипуново до колхоза «Родина»— двадцать восемь километров. А пробивали мы этот путь на сильном, юрком «газике» почти шесть часов — по пять километров в час. В середине дня стояла кромешная мгла. Ветер кидался ошметками мерзлой земли, галькой, стерней. Все было черным: снег, пашни, избы, березы, машины, наши лица, руки, валенки... Десять лет кряду прожил я на Алтае и ни разу не видал такой черной стихии, да еще в начале зимы, когда тут ложится третий, настоящий снег.

А была то не стихия. И знал об этом только один человек в нашей машине — главный агроном колхоза, мой сверстник Коля Бобарыкин. Всегдашний весельчак, с неизменной теркинской улыбкой на круглом, прокаленном ветрами лице, он со злостью швырял из-под колес заскорузлый черный снег; лезвием лопаты, на ощупь, выбирал объезды, подолгу пропадая в буранной темени. И молчал. Как сейчас, вижу его насупленные заиндевевшие брови, грустные, тревожные глаза. И невдомек было, почему он виновато прячет свой взгляд...

У въезда в село, хлопнув дверцей «газика», он непривычно грузноватой походкой зашагал по тропинке домой. Таким он и запечатлелся в памяти: хмурый, съежившийся, в черном полушубке среди голых черных берез...

Каким-то увижу его теперь?

Поблагодарив шофера, иду в колхозную гостиницу и возле конторы лицом к лицу сталкиваюсь с ним, с Колей Бобарыкиным.

— А ты знаешь, трубы-то мы достали!— торопливо, словно виделись не год назад, а вчера, сует он свою теплую руку. И опять все та же знакомая улыбка расплывается по круглому, добродушному лицу.

Ошарашенный такой загадочной фразой, невольно развожу руками. Молчим, глядя друг другу в глаза. И еще не поняв, что речь идет о самых обыкновенных водопроводных трубах, что позарез нужны были колхозу для полива посевов, я неожиданно для себя говорю:

— А снег-то чистый...

Теперь и для Николая загадка. Чуть отпрянув, он удивленно моргает серыми, в белой опуши глазами. Потом, вспомнив, раскатисто смеется:

— Верно, нынче снег что надо!..

И уже в уютной комнате гостиницы спокойно припоминает он события той осени. Лето палило зноем. В колхозе четырнадцать водоемов. К ним подвели электросеть, смонтировали насосы, не хватало малости — труб... Деньги за них уже два года покоились на счету межрайонной «Сельхозтехники», а труб на складе не было. Хлеб горел на корню. И все-таки урожай сняли. Средненький, но хлеб. А ведь кое-кому из соседей пришлось перепахать сгоревшие посевы.

И вот осенью, в сентябре, отлучился на неделю председатель «Родины» Федор Митрофанович Гринько. Остался за него главный агроном. Зябь подняли в срок, по плану. А тут звонок из производственного управления: мало, пашите еще!

— У нас остались только бугры,— ответил Бобарыкин.

— Пашите их. Берите пример с соседей — все бугры подняли...

Вслед за звонком явился из района «товарищ Давай».

— Давай под зябь бугры, коль другой земли нет!—тоном приказа потребовал он.

Агроном объяснил, почему нельзя пахать. «Ах так! Управление подводить?»— вскинул брови «товарищ Давай». И в тот же день агронома вызвали в район. И встал перед ним выбор: или паши бугры, или «строгач». Третьего не дано. И член парткома Николай Бобарыкин вопреки науке, опыту и своей совести дал команду трактористам: пахать бугры. Не выдержал. Согнулся под чиновничьим окриком.

И вот оно случилось: зимние ветры, хлынув в степь, сорвали вздыбленную землю и вместе с запаханной стерней понесли по оголенным полям. А ведь стерня-то и могла задержать снега, чтоб по весне и бугры напоить живой водой и в низинах половодьем разлиться.

Черный снег пронесся по степи, выветрил почву, не оставил ни капельки зимней влаги. А надежда на вешние и летние дожди в этих местах — все равно, что ожидание у моря погоды.

И я теперь понимаю Колю Бобарыкина, почему он, забыв, что мы не виделись целый год, с таким восторгом сообщил мне о водопроводных трубах. Нынешним летом в «Родине» уже поливали добрую половину посевов. И хлеб удался. Не рекордный, но ровный, нечересполосный.

Говорил Коля Бобарыкин о многом: о севооборотах, о химии, о технике, о людях. Был он веселым, каким я знал его и раньше, до черного снега. И все-таки что-то новое, еле уловимое появилось в нем: слова стали весомей, жесты спокойней, лицо озаренней. Я слушал агронома, а сам думал: что же это? Как точнее, емче выразить те преломления, сдвиги, что произошли в моем сверстнике за этот год?

И почему-то вновь вспомнилась недавняя дорога. Нырнув в крутобокую низину, «газик» врезался в синий затвердевший снег: перемело. Но вот затор расчищен, райкомовский вездеход вздрагивает, падает вспять и порывисто, со взлета берет барьер. И снова в неохватном белом покое гудит дорога.

Время — вечная, нескончаемая дорога. Год — это лишь один малый круг времени, путь, размеренный сутками, неделями, месяцами. Но и на этом пути есть свои меты. Не фенологические — у природы свои законы, свое движение. Я говорю о метах нашей жизни, о той дороге длиною в один год, что оставила свои памятные вехи.

Первой вехой был Март — третий месяц уходящего в историю года. Встречал я его тоже в дороге, на полевых проселках Чувашии. Откуда-то из-за Волги вываливались целые эскадрильи темных клубящихся облаков. Шли они низко, на бреющем, осыпая землю то снегом, то ледяным дождем. В природе еще властвовала зимняя сутемь, а лица землепашцев светились по-вешнему солнечно, лучисто. Люди готовились к севу. Трактористы оставили преграды талым водам — чтоб не ушли они в овраги и балки. На складах в последний раз проверяли сортовые семена —отменные, зернышко к зернышку. На взлетных площадках пилоты «малой авиации» опробовали моторы. Рядом громоздились мешки с ядохимикатами.

Внешне весна этого года мало чем отличалась от своих предшественниц. И все-таки она оставила свой, особый след. В глубоких бороздах навсегда была запахана чересполосица путаных речей, заклинаний, волевых действий. Ветер марта развеял пепел чиновничьих циркуляров.

И в Шоршелах — на родине космонавта Андрияна Николаева, и в Маргаушах, и в Батыреве — всюду на весенней чувашской земле я воочию видел сдвиги в душах людей. Заглядом в завтрашний день озарились их лица, овеянные дыханием оттепели.

Апрель ударил звонкой капелью. Земля, одетая в зеленый наряд, шла по своему кругу возле Солнца. А вокруг нее уже совершил космические витки наш новый звездолет, и мой земляк Алексей Леонов впервые решительно распахнул дверь во Вселенную.

Потом подоспел Май. Дважды громыхал он оркестровой медью на Красной площади, перед ленинским Мавзолеем. Время отсчитало уже два десятилетия с той поры, когда в поверженном Берлине смолкли последние залпы Великой Отечественной. У многих из нас, тех, кто, встав из-за парты, равнял строй маршевой роты, уже индевеют виски, а на гимнастерках стриженых ребят, родившихся в сорок шестом, горят юбилейные медали. Что ж, они по праву принадлежат и сегодняшним солдатам. Рубеж нашей Победы остался за дымкой двадцатилетия. Но все, что добыто нами за эти мирные годы, начинается с того победного рубежа. И на нем теперь надежно стоят наши сыновья, безусые, стройные, спокойные. И вовсе не зря на их гимнастерках солнечно сияет новенькая медаль...

И был еще Сентябрь — тоже памятная веха этого года. Жил я дома, в Ленинграде. По утрам отправлялся на Выборгскую сторону, к своим новым друзьям — станкостроителям завода имени Ильича. В прошлом году ильичевцы потерпели горькую неудачу. 128 станков их марки были рекламированы. Почти весь нынешний год ушел на доводку этих станков. Материальный и моральный урон ильичевцы возместили: новый станок «ЛЗ-154», созданный группой ведущего конструктора Осипа Колтова, дал устойчивые микроны. На выставке в Париже этот станок отнесли к числу лучших мировых образцов.

И все-таки, несмотря на радость творческой победы, многое огорчило. Медленно внедрялись в производство новинки. Их чертежи пылились в шкафах. Шла чехарда между СКБ — специальным конструкторским бюро, находящимся на территории завода, но подчиняющимся прямо Москве, и заводским отделом главного конструктора. Целая гора обязанностей ежедневно сваливалась на плечи директора Владимира Михайловича Лущика. А прав у него, по существу, не было никаких.

В сентябре на завод пришла радостная весть. И надо было видеть лица рабочих, мастеров, инженеров, конструкторов, чтобы понять, как близко к сердцу восприняли они слово нашей партии о новом высотном взлете советской индустрии!..

Их было немало — больших, приметных вех на этом нашем пути. Но вот дорога длиною в один год подходит к своему финишу. Дорога последнего года семилетки. А где-то рядом, за белопенной метелью декабря, стартовал, пошел на взлет Новый, 1966-й... И будут в этом году свои знаменательные меты. Он сделает предпоследний шаг к той черте, что завершит полувековую орбиту времени по новому календарю— с Октября 1917 года.

Мы знаем: новая дорога времени тоже не будет гладкой. И на мирной земле нашей есть свои барьеры. Мы — в вечном бою за мир, за жизнь, за счастье.

Оглянувшись на пройденную дорогу, смело глядим вперед, на свой новый размашистый путь.

Тихо ложится на землю белый снег.

Д

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Льва БОРОДУЛИНА

Если сесть в Одессе на теплоход и пройти на нем Босфор и Дарданеллы, Суэцкий канал и Баб-эль-Мандебский пролив, а затем пересечь экватор, то окажешься вблизи жемчужины Африки — острова Занзибар.

Именно так и поступили около трехсот советских туристов, очутившихся в преддверии Нового года в знойных тропиках. Шахтеры Воркуты и Норильска, ученые Москвы и Сибири, колхозники Узбекистана и Таджикистана, геологи Якутска и Магадана, инженеры Братска и Мурманска совершили это увлекательное путешествие из зимы в лето.

Остались позади мечети Стамбула, древние развалины Эллады и Ливана, голубой Нил и пирамиды Египта, неповторимые красоты Йемена, Танзании и Кении, шесть морей и веселый праздник Нептуна при пересечении экватора в далеком Индийском океане.

А чтобы ни у кого не было сомнений, что все это действительно было, каждый турист может предъявить в доказательство заверенные печатями сразу две памятные грамоты: одну, подписанную повелителем морей и океанов стариком Нептуном с теплохода «Аджария», другую — по поручению властелина воздушной стихии — командирами самолетов Аэрофлота, перебросивших нас из жаркого южного полушария в заснеженную Москву.

О радостных, а порой удивительных встречах, о доброй улыбке Африки советским людям расскажут эти фотографии.

1. У вождя племени масаи из Танзании — значок с изображением Юрия Гагарина.

2. В этом хороводе одинаково весело женщинам Занзибара и Шамике Бабаян — провизору из высокогорного грузинского поселка Ахалкалаки.

3. Теплоход «Аджария» на рейде Дар-эс-Салама.

4—5. Человеку со звучной фамилией Иванов-Пальмов трудно удержаться от соблазна познакомиться с пальмой поближе и не сорвать с нее плодов. Такое под силу далеко не каждому. Но рязанскому хирургу, как видите, это удалось. А в желающих испить прохладного молока кокосового ореха недостатка не было.

6. Нас приветствуют мальчишки ОАР.

7. Индийский океан на службе у туристов.

8. На добрую память об Африке.

1

3

4

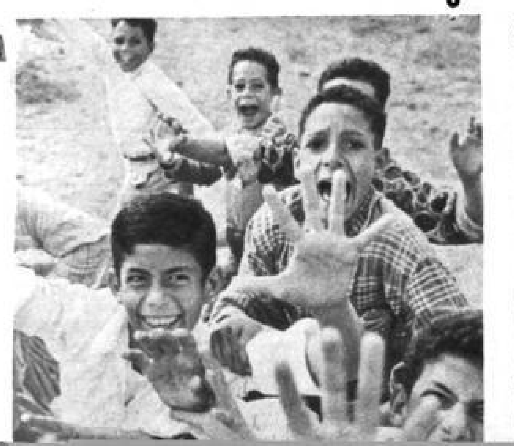
5

2

ОБРАЯ УЛЫБКА АФРИКИ

6

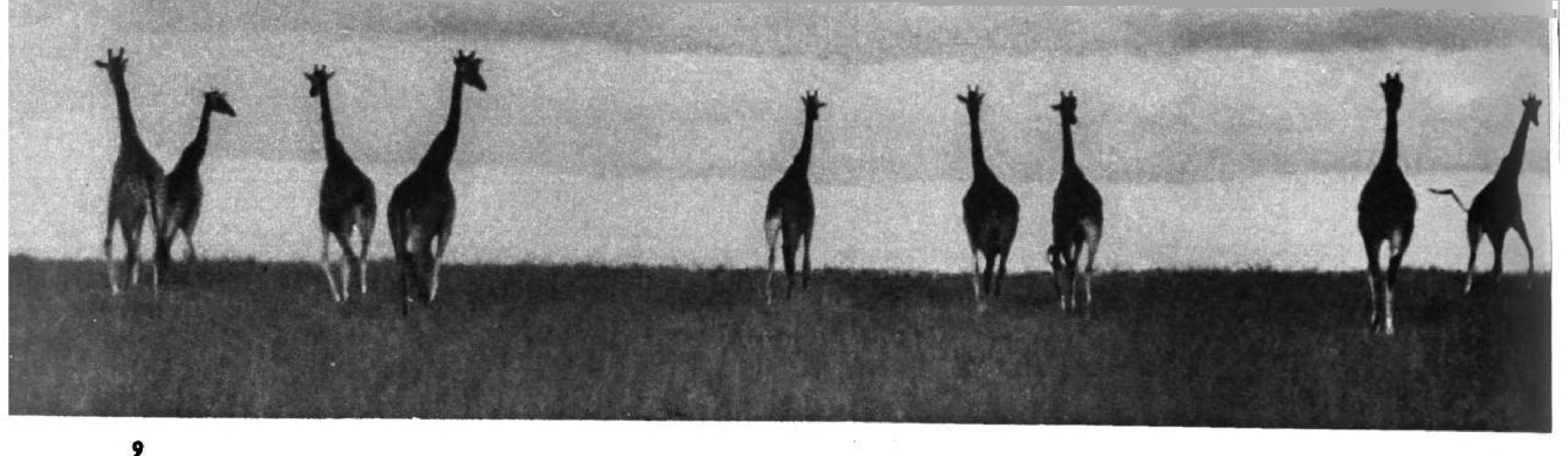

7

8

9

9—10. Так много живых львов и жирафов можно увидеть и сфотографировать только в заповедниках Кении и Танзании.

11. Шляпа из бананов недорога и очень практична.

12. Гость из океана.

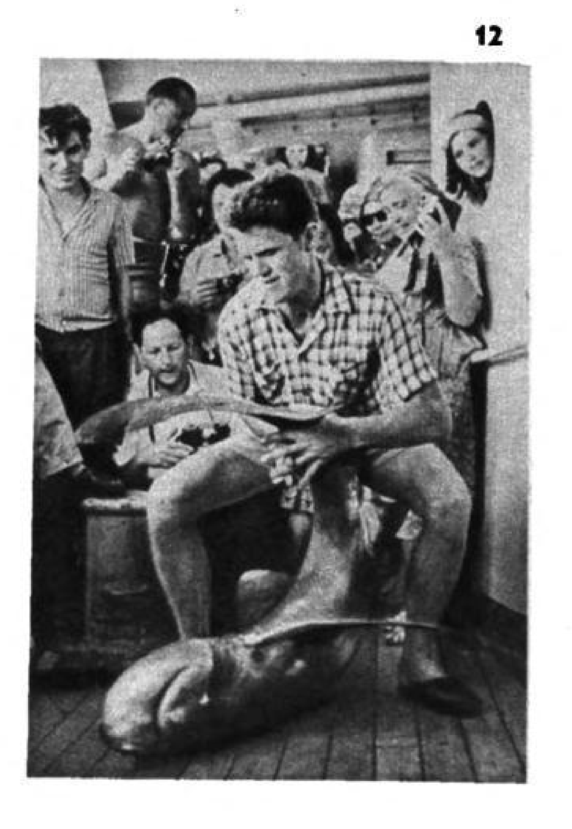
13. Творчество украинского художника Василия Криворучко вызвало несомненный интерес у йеменцев.

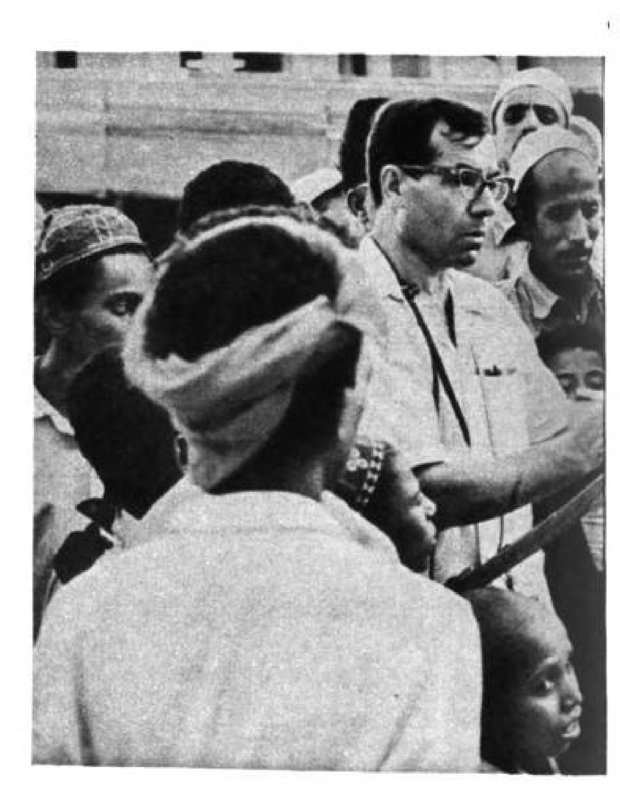
14. Поет молодая Африка.

11

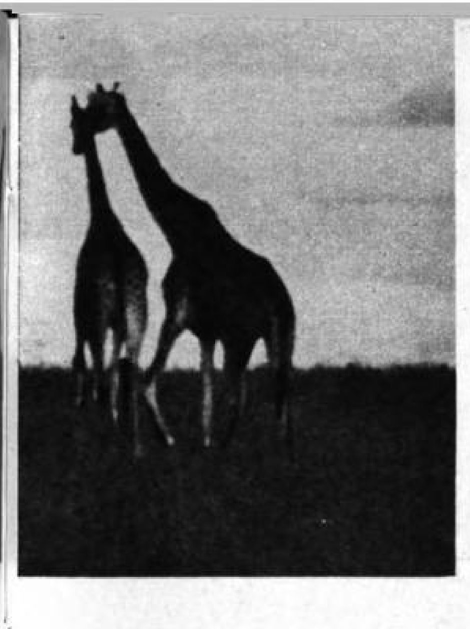
12

10

Бендили МОЛОКУ

Нигерия

Новогоднему солнцу

Удаляется старый год,
Провожаемый лунным светом;
Что он в вечность с собой
возьмет
В отмерцавшем сказанье этом?

Легче стало тем, кто искал
Утешения в сказке суток?
Или тем, кто в пути упал
У подножья горячих скал
В разъедающих раны путах?

Что для матери ты принес
Истекавшего кровью Сайгона?..
Нет! Ее ты не видел слез!
И не слышал предсмертного
стона!

И не спас ты невесту ту,
Что у Зимбо[1] встречалась
с любимым.
Ты ее расстрелял мечту
И на «джипе» промчался мимо!

Что ребенку ты подарил
Беспросветной, как тьма,
Алабамы?
Ты принес не румянец зари.
Подарил ты тюремные шрамы.

Хоть один бы счастливый день
Ты отдал уходящим навеки!
Нет! Легла твоя лунная тень
На закрытые в муках веки.

x x x

Но проклюнулся алый птенец
В скорлупе облачков золоченых,
Чтобы Тьме объявить конец
И поднять из могил обреченных.

Новогодье! Ты вновь стоишь
На вершинах Килиманджаро,
С африканцами говоришь
И пылаешь сильней пожара.

В это утро да слышит бамбук
Породившие гул водопады!
Это гимнов победных звук!
Это наши мильоны рук
Раздвигают времен громады!

Выпрямляются спины рабов,
И рассвет их венчает ранний.
Над останками сбитых гербов —
Чаша наших надежд и желаний!

x x x

Пусть он льется, Великий дождь,
В пересохшее горло Сахары!..
Пусть сады поднимает, как вождь,
И ведет их, кристально ярый!

Нет, не тот, что несчастье несет,
И, как ворон, над трупом вьется,
И зеленые пальмы гнет,
Черной кровью стекая в колодцы.

Пусть он дует, ветер равнин,
Очищающий наши дороги,
Достигающий снежных вершин,
Развевающий флаги многих!

Но не тот, что срывает с голов
Наших юных сестер кувшины;
И не тот, что поднять готов
Окрыленные смертью машины.

...Пусть хайлайф[2] выбивает тамтам,
Ча-ча-ча и другие пляски!
Пусть сверкают Наградой Труда
Всенародных праздников краски!

Это нужно!

Замри, барабан,
Отбивающий дробь по казненным!

Крепни, Дружество братских
стран!
Счастье семьям многоплеменным!

Незакатное Солнце, свети!..
Восходящего Нового года!..
И мечты и дерзанье буди
В богатырской, могучей груди
Разорвавшего цепи народа!

Перевел с английского
Сп. Селивановский.

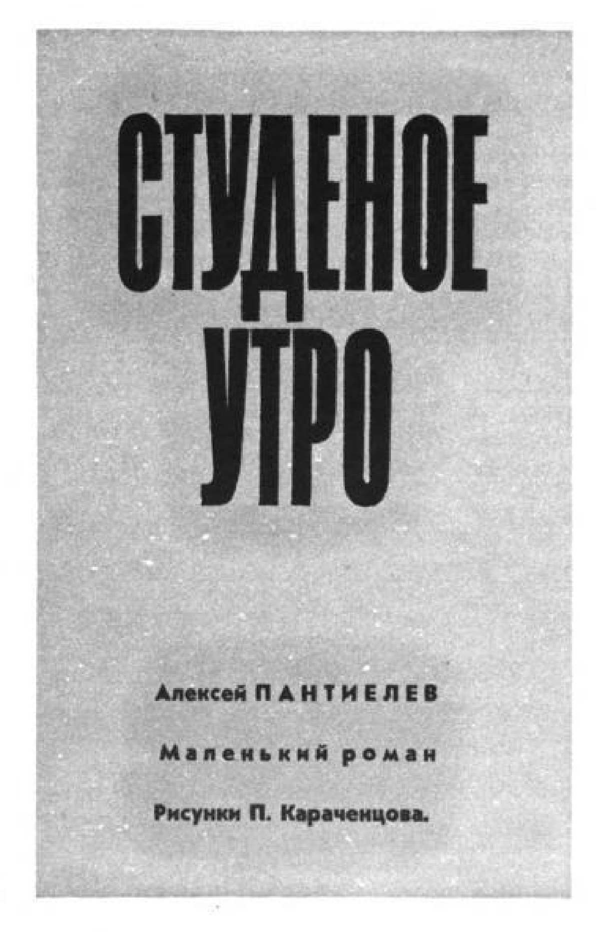
13

14

[1] Река в Южной Родезии.

[2] Нигерийский народный танец.

На рассвете, в утренних сумерках, когда землю охватывает истома пробуждения, снятся самые интересные, памятные сны. Они обрываются перед развязкой, накануне некоего откровения, и хочется опять уснуть и досмотреть до конца, узнать, что было бы дальше. Они похожи на прерванное гадание, смутное и заманчивое предвидение. Обычно случившееся во сне забывается мгновенно, но в душе остается ощущение загадки, невнятного обещания, как будто в чем-то очень важном тебя обнадежили, навели на неясный след. Это сны-мечтания, сны-грезы, но кажется, что они непременно свершатся, если ты их вспомнишь, когда проснешься.

Тишина. Распахнуты окна. Распахнуто небо. Ты стоишь в полумраке, в полузабытьи недопетого, недоигранного сна и растерянно глядишь в небо и себе в душу. Медленно тает на твоей шее, на висках сонное тепло, сонное оцепенение, ты зябнешь на утреннем холодке, томительно потягиваешься и застываешь, забыв опустить руки и голову, словно охваченный судорожным онемением. Что же это было такое необыкновенное, недосягаемо-желанное и вместе с тем натуральное, земное, осязаемое, как утренний свет?

Проходят годы, а ты возвращаешься к тем снам. Тебе не дано их забыть. Ты не хочешь их забыть. Ты ищешь в своей памяти, в своем сердце то ощущение загадки, туманного следа, недосказанного предсказания. Ты улыбаешься самому себе и смущенно вздыхаешь исподтишка.

И когда случается проснуться на утренней заре, ты поднимаешься второпях, бежишь и с жадным интересом смотришь вверх, на восток, туда, где небо зацветает зелеными, синими и красными цветами. Смотришь и смотришь, словно боясь упустить много раз смотренное и невиданное.

Давно это было... Далеко это было...

Есть у великой сибирской реки Иртыш приток Ульба, шальная речка, вьющаяся меж таежных хребтов Алтая. Название ее происходит, видимо, от старинного глагола «ульнуть», что значит «дать стрекача». Ульба не течет — скачет среди скал, по горбатым порогам и топочет, подобно косяку необъезженных коней.

Поздней осенью, после покрова пресвятыя богородицы, плыла девушка осьмнадцати лет на плоскодонном дощанике из горного кержацкого села в Усть-Каменогорск, вниз по Ульбе. Дощаник был черен от смолы, тяжел, как плот, и утл, как допотопный, долбленный из цельного ствола челнок, потому что несся по бесовской (прости, Христос!) стремнине, замешанной из воды и камня.

Иртыш уже стал, по нему нарезáлся санный путь, а Ульба все ревела, словно лоси по весне, несла без оглядки. На корме у трехпудового просмоленного и ободранного кормила, похожего на весло-натесь с большой баржи, стоял мужик с продубленными скулами, окладистой бородой и ворочал им, ложась на него грудью, крякая от натуги. На носу маячили двое помоложе с длинными шестами и упирались ими в пролетавшие мимо скользкие камни, покрытые кружевом пены, с такой силой, что шесты гнулись.

На всех троих были армяки, домотканые, бурые, но изукрашенные кумачом: каймой обшиты полы, кумачовые узоры — в нижнем углу, как у петровских стрельцов; подпоясаны цветастыми кушаками. На ногах — мягкие сыромятные постолы, на головах — войлочные шапки горшками, надвинуты до бровей; под бровями у двоих — капли смоляные, жгучие, у третьего — брызги из Ульбы, лихо-озорные.

Крупные, в кленовый лист, хлопья сырого снега летели навстречу, залепляя носы, уши. Ветра не было, но дощаник несся под уклон, точно сквозь метель, и за снежными хвостами не видно было берегов и дебревого леса, сползавшего сплошной мохнатой стеной до самой воды. То и дело дощаник противно скреб днищем по незримому подводному порогу, дергался, трясся, запинался, как живой, и норовил круто завернуть кормой, черпнуть низким бортом. Кормщик удерживал его носом вперед, меж сизых струй, крутых и твердых, как замороженное в погребе масло.

Девушка сидела у ног кормщика, цепко держась за опружные ребра дощаника, укрытая с головой дырявым рядном, промокшая до костей. Время от времени она дробно стучала зубами, утирала нос о коленку и неслышно скулила, но не со страха. Она не боялась утонуть, хотя утонуть могла в один миг, не успев сообразить, что тонет, а только хотела поскорей обсушиться, угреться и того ради согласилась бы ополовинить стакан самогонки.

Была та девушка учительшей, к тому же нездешней, городской. Но делала она в тех заброшенных старообрядных краях дела, не всякому бывалому мужчине под силу...

Впервые она приехала на Алтай зимой, в памятный год, двадцать девятый, год «головокружения».

От Семипалатинска до Усть-Каменогорска по прежней мерке верст двести. О железной дороге в ту пору не мечтали. Строили Турксиб и тем гордились. К устью Ульбы ездили гужом, по старому торговому тракту. Этот тракт начинался далеко на севере, у Омска, и вел далеко на юго-восток, в Монголию и Синьцзян.

В конце декабря в морозный день девушка собралась и отправилась из Семипалатинска к Ульбе с большим обозом, одна. Сборы ее были легки и недолги — жизнь проста, если все, что ты имеешь, на тебе.

Любопытно она оделась в дорогу. На ней были бриджи полувоенного образца, бледно-зеленые, из-под «юнгштурмовки», подпоясанные мужским ремнем. Бриджи заправлены в аккуратные сапожки на высоком каблучке, в которых летом на сухой полянке сплясать непыльно. Надела она и гимнастерку с карманами, вдобавок фуфайку, или, по-городскому, свитер, правда, шерстяной, с рукавами. На голове платок, белый, бабий, шея им укутана. Ну и поверх всего пальто кожаное, важное, форсистое, коричневого цвета, с гладким простроченным воротом, подбитое тем самым мехом, которым славятся рыбы. В Семипалатинск эти пальто привозили из Монголии, особливо после того, как поставили к стенке барона кровопийцу Унгерна; чекисты помоложе коротили их себе на куртки, чтобы выделяться среди прочего народа.

С жиденьким рюкзачком на спине девушка появилась перед обозом, как ей было велено, на рассвете. Возчики в собачьих треухах, меховых рукавицах, тулупах и пимах смотрели на нее, как на диво. В рюкзаке у нее, кроме платочков-утирок и запасной рубашечки, тоже ничего доброго не имелось. Зато в кармане гимнастерки лежал комсомольский билет и две серьезные бу-

мажки: командировка от кустпромсоюза и мандат облземотдела с печатью на двух языках, русском и казахском, за подписью самого товарища Витюгова.

Стужа стояла лютая. На телеграфных столбах индевели цифры, выведенные черной краской; пушистой белой коркой покрылись провода. У лошадей седели морды и животы в паху, у возчиков — усы и отвороты тулупов на грудях. Но за всю дорогу по голой степи ни один из мужиков не уступил девушке тулупа. Укрывали ее армяками и веретьем — тем же, что груз. Еще курить давали, сворачивали ей махорочные цигарки, и она брала, коптила себе нос, пуская дым из ноздрей, чтобы пореже оттирать щеки снегом.

Едва ли не половину пути она пробежала за санями, не снимая рюкзака,— под ним не так зябко спине. Пробежала и проплакала — несносно слезились глаза. Бежала она до пота, иначе не разгонишь в жилах кровь, рук и ног не разогнешь, и к привалу добиралась проиндевевшая изнутри, в седом свитере, скрипевшем подобно кольчуге. Благо, что было безветренно, тихо...

Как она не застудилась тогда насмерть, не добежав до Усть-Каменогорска, ведомо одному богу, отмененному большевиками. В войну на фронте люди спят на снегу, часто мокром, и не студятся. Девушка в том памятном году тоже почитала себя на фронте и именовалась мобилизованной.

Ночевали в некогда богатых селах, на древних постоялых дворах, рассчитанных на купца, в просторных двухъярусных избах, срубленных навек, натопленных по-банному, с широкой лестницей снаружи. Ныне эти села жили бедней — разорила и гражданская и перегибы. Однако чаю было вдосталь, был и хлеб просяной; свежий он вкусен, а подсохнув, крошился и сыпался, как известка. Из того же теста готовили и пироги с калиной взамен сахара; калина, когда ее томили и парили, воняла одуряюще. Яблочка, то есть картошки, и молока за деньги не проси.

За чаем возчики объясняли девушке, что она, конешным делом, городская, стало быть, набалованная, непривычная к нашей погодке. У нас ведь как? Семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, сверху льет, понизу метет, саван шьет... Лежа на нарах-полатях, кто-нибудь, кряхтя, непременно вспоминал, что у ихнего брата доля — ночевать под шапкой, понимай — под открытым небом.

Девушка знала, что у возчиков есть и сальце, и лук, и хлеб другой — эти харчи от нее прятали, точно зерно от продразверстки. Леший ее знает, кто она такая — в штанах-то... Доставали мужики и самогон и капусту квашеную; капусту, как овес в торбе у лошади, не скроешь: хрустит. Но девушка незлобиво смеялась про себя, слушая в ночной темноте кряканье и дружный хруст. Она была смешлива.

Сразу после чая она залезала на печь, на лежанку, согнав оттуда деда, если таковой имелся, и раздевалась до рубашки, чтобы просушиться и прогреть душу на день. Развешивала бриджи и фуфайку перед собой. Засветло обоз трогался. И ни разу она не проспала.

В первую же ночь к ней сунулся было, смеху ради, один добрый молодец, писаный красавец, осьми футов ростом, и скатился назад с собачьим воем, повалился на пол, скрежеща зубами. Босая, накинув на плечи одно пальтишко, соскочила следом и девушка, молчком схватила кнут и окрестила им охальника справа и слева. На нарах никто не пошевелился. В дороге чего не насмотришься!

Днем, понукая лошадей, возчики упорно втолковывали девушке, зачем собран обоз в десяток возов, целый поезд. Одно дело — волки, серые головорезы. Они сейчас ходят стаями. Другое дело — людишки, беглые. И те бродят шайками, шалят. Конечно, для власти они бандиты, а разобраться — истые горемыки, сорванные с родных мест, гонимые, как палый лист. Может, они и рады бы угомониться, кабы по закону! Но ведь вот ездят взад-вперед разные уполномоченные с мандатами, пугают, путают народ. Лихо — оно по стремю плывет, погодой к берегу прибивает... И получалось так, что бандиты опасны не для обозников, их коней и груза, а для девушки, поскольку она, знамо дело, с мандатом.

Девушка слушала и улыбалась, утирая вязаной перчаткой слезу. Всерьез она испугалась один раз, когда отстала от обоза. Около полудня задержалась она на минутку у могильного камня неподалеку от дороги. Надписи не разобрала. Камень был облит замерзшими желтыми струйками — здесь останавливались волки. Обоз ушел вперед шагов на двадцать. Девушка побежала за ним, но обоз незаметно отдалился от нее шагов на пятьдесят. Возчики сидели к ней спиной. Девушка протяжно крикнула — ни один не обернулся...

Больше она не кричала. Долго шла и бежала за обозом, в сотне шагов от него, и расстояние это не сокращалось и не увеличивалось. Возчики словно вросли в возы, подняв вороты тулупов. Девушка слышала голоса, мужики крикливо переговаривались, но не оглядывались.

Кругом плоская, унылая пустыня, снега и снега. Солнце висело невысоко в белесой морозной дымке. В висках гулко стучала кровь.

Девушка остановилась, чтобы отдышаться, прикрывая краем головного платка рот. Обоз медленно уходил от нее.

Потом собака, кудлатая пастушья овчарка, отстала, залаяла и трусцой побежала к девушке. Обнюхала ее сапоги и поплелась рядом, озираясь, потягивая черным носом и глухо ворча. Пес чуял поблизости волков.

Обоз остановился... Девушку встретили веселым гамом:

— Ты что же не шумнула? Кабы не Султанка, мы бы и не чухнулись! А там отвечай за тебя...

Она сказала, устало вздохнув:

— Я нарочно, сама. Уж больно вы мне надоели, болезные.

Бандитов в пути не встретили, а волков довелось посмотреть. На исходе мутного пасмурного дня издалека увидели летящую навстречу во весь мах, гончей сланью, лошадь, запряженную в розвальни. Возчики сразу смекнули, к чему такая прыть, и подняли пронзительный, сотрясающий душу свист.

Такого былинного посвиста девушка прежде не слыхивала. Эхо залило степь, как полая вода.

Лошадь в мыле, брызжа пеной, подскакала к обозу, взгромоздилась на дыбки, раскатывая розвальни по жесткому насту, мотая ими, точно сорока хвостом, и стала тыкаться мордой, оглоблями во что попало. Все обозные кони, храпя, заплясали на месте, удерживаемые натянутыми до отказа вожжами. В одну минуту копытами под собой ямы нарыли.

А поодаль на виду у людей редкой гусиной цепью покатила в степь волчья стая — голов с полдюжины. Матерые, горбатые и словно бесхвостые, волки уходили, не торопясь, плавно и неслышно, подобно серым, парящим над снегом теням.

В розвальнях оказался одинокий путник, крепкий малый, обросший русой бородой, но с нездешним разговором.

— Ты чей будешь? Откуда?

— Из Риддерска...— Это верстах в ста северней Усть-Каменогорска, вверх по Ульбе.

— Что везешь?

— Камни.

Посмотрели: и верно, камни! В брезентовых мешках, завернуты в тряпицы...

Ну, понятно, если не полоумный, значит, контра — с той стороны, с Черного Иртыша. Глядит нравно. Из-за пазухи из-под ватника торчит рукоять нагана.

— Камешки-то у тебя никак золотые?

— Именно! С золотого дна.

— А если мы тебя помнем, золотишко отнимем?

Засмеялся:

— Для вас оно не золото. Свинец. И того десять процентов. Золота — семнадцать десятитысячных! Соображаете, Микулы?

Думали, однако, что он завернет назад, с обозом. И опять не угадали. Человек стал обтирать коня, подтягивать сбрую, готовясь ехать восвояси.

Вступилась девушка:

— Послушайте... Дело к ночи. Волки вернутся.

Он оглядел ее с ног до головы пристальными маленькими голубыми глазками, почесал бороду.

— Доскочу до Выдрихи. Авось, отстреляюсь... Вы из области? К Карачаеву? Вас ждут... И вы так едете? Одна? Ну и ну...— Он снял со своих саней тулуп и завернул в него девушку.— Отдадите там Карачаеву. Это с его плеча.
— Погодите, товарищ... Как вас хоть зовут?
— Моя фамилия — Небыл.
Она не поняла, переспросила, он вскочил в сани, махнул рукой.
— Я князь Кучеренко-Рябых-Залихватский!— И, стоя, поехал.
Издали он крикнул:
— А вас как зовут? Ан-ной? Невероятно... Мне цыганка гадала, что я женюсь на Анне! Пойдете за меня замуж?
— Конечно!— крикнула она, супя бровки.
— Я не шучу!
— Я тоже...
— Прощай, невеста!
Она молча кивнула.
В Усть-Каменогорске обоз остановился у райкустпромсоюза. Девушка пошла в Совет. Долговязый парень, который лазил к ней на печку, догнал ее и дернул за рукав тулупа, волочившегося полой по снегу.
— Эй! Не беги. Глянь-ка на нас.— Он сунул ей в руки два увесистых ломтя сала, слегка желтоватых с торцов.— Мужики велели отдать, кланяться... Бери, мол...— Он поклонился с усмешкой, сняв шапку, и покачал головой.— Кнутом! Нешто так можно? Срам на люди показаться. Удавлюсь на березе — твой будет грех... Слышь, что ль?
Она поправила платок на затылке. Сказала не по-нашему:
— Я очень, очень рада.
Взяла сало и дала парню три кусочка сахара-рафинада, которые держала в кармане пальто, в чистой тетрадочной бумажке...
Карачаев, уполномоченный обкома, встретил девушку с откровенным недоумением. За тулуп он благодарил, а документов не стал и смотреть. Черный, скуластый, как монгол, он уставился на нее воспаленными от долгого недосыпания, сухо блестевшими глазами, потерянно подняв брови и словно решая, смеяться ему или ответи душу бранью.
— Сколько вам лет?
— Больше восемнадцати,— ответила она с вызовом.
— Что умеете делать?
— Все, что будет нужно...
— Для чего нужно?
— Для оживления кустарного промысла и укрепления колхозов!
— Поедете обратно,— сказал Карачаев.— Немедленно. Скажете Витюгову, что у меня не пансион для девиц с шелко́выми косами. У меня бандитские гнезда, кулацкий саботаж. Война за хлеб, за Советскую власть.
— Я поеду в села,— сказала девушка,— вверх по Ульбе, в те самые бандитские гнезда.
— Ага. Ну, что ж, валяйте! Полазайте по нашим тропам. Горы, воды... Благословляю вас, леса, и тому подобное... Я вам дам красный и синий карандаш для зарисовок.
— Вы мне дадите коня.
— Даже коня!— Он взял со стола широкую желтую линейку.— А вот этим по одному месту вы не желаете?
Девушка встала, нежно покраснев.
— Вы устали, измучились здесь, товарищ Карачаев. Мне очень хочется вам помочь.
— Мне? По-мочь?
— По мере моих сил, разумеется.
— Господи, помилуй,— сквозь зубы проговорил Карачаев.
Она взяла со стола свои документы.
— Первым долгом мне нужно будет связаться с бухгалтером местного кустпрома. Как его по имени-отчеству?
Карачаев насмешливо сощурился.
— Иван Викентьевич... Павлищев! А вам известно, что он подпольный вожак кулачья? Действительный тайный советник бандитских дел. Полковник царской армии, неразоблаченный колчаковец.
— Нет... мне не говорили...
— Куда же вас, извините, черт несет? Какая такая бухгалтерия?

Ей хотелось тоже крикнуть: «Вам что за дело? Вы кто такой?» Она сдержалась.
— Мне поручено проверить отчетность.
— Ступайте, проверяйте. Сейчас он у себя дома — на том берегу Иртыша.
— А как... к нему идти?
— Как люди ходят! По льду.
Карачаев проводил девушку к реке, к береговому припаю, припорошенному снегом, и небрежно кивнул, стряхивая рукавицей белую пыльцу со своих валенок.
— Вон, на тот мысок держите... где изба под железной крышей...
— Спасибо,— сказала она едва слышно. И пошла по ледяной глади, старательно, широкими кругами обходя аспидно-черные колодцы прорубей.
С берега проруби были видны лучше. Они походили на глазки с зелеными ресницами обледеневших брызг. Вблизи они открывались внезапно, как темные пасти. Девушка заминалась, щупала ногой саженной толщины лед, вытягивая в стороны руки. Неужто она впервые так переходила Иртыш? Этого еще недоставало!
Ближе к середине реки открылось, что поверх льда стоит вода, и даже не стоит, а течет, глухо журча, прозрачной сине-зеленой пеленой, отражающей небо и облака. Вода пришлась чуть повыше щиколоток, но казалось, что ей нет дна. Эту воду нередко выносила на ледяную грудь Иртыша неуемная Ульба, подобно весенней наледи.
Карачаев не сомневался, что девушка помнется-помнется там, у реки на реке, и вернется. Она пошла дальше. Пошла без шеста, без посошка, в своих аккуратных сапогах с тощей подметкой и голенищами до икр.
Идти было и скользко и вязко. Под ступней расползалось в стороны жирное, как тина, слабо заледеневшее месиво. Попадались мелкие камешки, голыши, острые, как гвозди. Хотелось идти на носках, повыше над водой, но девушка твердо ступала на полную ступню. Сапоги промокли, уже чувствовалась холодная влага сквозь шерстяной носок. Ладно! Только бы не подвихнулась нога, только бы не упасть... И не просмотреть бы сквозь толстое отсвечивающее стекло воды полынью, окошко в Иртыш. Тут подо льдом быстрина, летом лодки вертит — не выгребешь, и лед намного жиже, чем у берега. Так и чудится, что лед прогибается под ногой.

Карачаев не выдержал, закричал:
— Стойте! Шут вас подери... Назад! Бешеная девка... Поворачивайте, вам говорят!
Она слышала его крик. И не оглядываясь, помахала ему рукой. Пусть теперь пошумит. Ему полезно...
Впереди, на крутом берегу, из крытой железом пятистенной избы с высоким крыльцом вышла старушка, глянула из-под ладони на реку и отвернулась. Эка невидаль!
Ноги у девушки окостенели до колен, шаг становился неверным, но звенящий, ворчливый шорох воды угасал за спиной, и уже не ощущалось, как туго давит на ноги ее течение. Впереди было «сухо». Пушистая пороша. Проруби. До избы под железной крышей рукой подать. Девушка выбралась на покатую, скользкую ступеньку, облизанную волной, и пустилась бегом на прямых ногах, точно на ходулях. Сапоги ее обледенели, цвета они были дымчатостального...
Бухгалтер Павлищев принял ее куда ласковей, чем Карачаев. Встретил на крыльце и без разговоров потащил в горницу. Усадил, стянул с нее сапоги. И немедля собственными руками стал крепко растирать ей ноги, смачивая ладони бесцветной жидкостью из четвертной бутыли. Бережно завернул по колена в теплые портянки, засунул в валенки, белые, фетровые, мужские, видимо, со своей ноги. Затем велел глотнуть той же жидкости. Девушка глотнула, обожгла небо и горло, жадно запила прохладной водицей, необыкновенно вкусной.
Павлищев стоял перед ней, удовлетворенно щурясь, любуясь делом своих рук. Руки у него были мягкие, длиннопалые, красивые. Лицо узкое, породистое. Тяжелый подбородок, усы седоватые, подстрижены бобриком тщательно. Над низким лбом — прямой пробор с проплешинками. Шея и спина словно отвесные. Военная стать.
Однако это девушка приметила позднее. На столе перед ней стояла миска с горячими щами, дымящимися, крепко пахнущими луком. Целая миска! Старушка, видевшая гостью на реке, нарезала хлеб, настоящий пшеничный, только что из печи. Положила около миски громадный ломоть; им можно накрыть ведро...
Павлищев коротко качнулся, не сгибая спины и шеи.
— Покорнейше прошу — откушайте прежде всего.
— Умру, но съем,— сказала девушка.
— Сделайте милость.
Она поела и уснула, тут же у стола, не помня как.
Проснулась часа через два, в тихих сумерках, на мягкой постели, разутая, распоясанная, с расстегнутым воротом, укрытая ватным одеялом, легким, как пух,— в блаженной испарине.
— Иван Викентьевич...— позвала она машинально.
— Я здесь,— отозвался он от окна.— Я готов.— И показал на стол.
Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать бухгалтерские книги старорежимного образца, в желто-муаровых переплетах.
— Вы держите их дома?
— Никак нет. Принес с того берега. Пока вы изволили почивать.
«В жизни ничего подобного не испытывала»,— подумала она. Но не ругать же человека за любезность, исполнительность!
Она с наслаждением умылась в сенях. Павлищев сливал ей на руки воду из деревянного ковшика.
Книги оказались в безупречном порядке. Претензий никаких. Хозяин предложил чаю.
— Вы всех так принимаете?— спросила девушка.
Он ответил с обидой и как бы угрозой:
— О нет, сударыня. Заверяю вас... нет!— И пригладил ладонью редкие волосы на впалом виске.
Что же сей сон значит? За что такие щедроты?

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
Понедельник	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25
Вторник	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Среда	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Четверг	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Пятница	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Суббота	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Воскресенье	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24

	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ
Понедельник	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Вторник	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Среда	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Четверг	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Пятница	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Суббота	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Воскресенье	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 8 МАРТА — Международный женский день, 1—2 МАЯ—День международной солидарност
7—8 НОЯБРЯ — 49 лет Великой Октябрьской социалистической революции, 5 ДЕКАБРЯ — День Конституции СССР.

МАЙ					ИЮНЬ				
	2	9	16	23	30	6	13	20	27
	3	10	17	24	31	7	14	21	28
	4	11	18	25	1	8	15	22	29
	5	12	19	26	2	9	16	23	30
	6	13	20	27	3	10	17	24	
	7	14	21	28	4	11	18	25	
1	8	15	22	29	5	12	19	26	

НОЯБРЬ					ДЕКАБРЬ				
	7	14	21	28		5	12	19	26
1	8	15	22	29		6	13	20	27
2	9	16	23	30		7	14	21	28
3	10	17	24		1	8	15	22	29
4	11	18	25		2	9	16	23	30
5	12	19	26		3	10	17	24	31
6	13	20	27		4	11	18	25	

1966

и трудящихся, 9 МАЯ— праздник Победы,

— Интересно, откуда у вас спирт? Вы можете мне сказать?

— К вашим услугам. Я не только бухгалтер, еще и скотский врач. Фельдшерю по кавалерийской привычке и гусарскому нахальству. Для ветеринара спирт — то же, что кипяток для повивальной бабки.

— Скажите, если это не секрет, а правда, что вы еще и бандит?

Он грустно улыбнулся, глядя на нее с отеческой добротой.

— Устами младенца глаголет истина... Не смею отрицать, здесь я на таком неблаговидном счету. Это меня в высшей степени огорчает. Одно время мне доверяли, поручали даже всевобуч.

— Все-вобуч?

— Нечто вроде. Стрелковую подготовку местной молодежи.

— Но это же глупость! Головотяпство...

— Обучать стрелять?

— Дать вам оружие! Как вы считаете?

— Пожалуй. Недоразумение. Я жил в Черемшанке. Теперь мне велено жить в городе, так сказать, поближе к местам возможного пребывания... лиц, мне подобных... Живу. Жду дальнейших указаний.

Он налил чаю — ей и себе, поставил чайник на конфорку желто-медного самовара.

— Не знаю, как там в Семипалатинске, паче того в столицах... Здесь у нас, на местах, сплошная неразбериха. Подчас, знаете ли, весьма похоже на цыганский базар. Не политика — чехарда! Смутное время...

Она спросила:

— Вам не по душе власть большевиков?

— Всякая власть от бога, дитя мое.

— Значит, вы ропщете на бога?

— Ропщу ли я?.. Я бухгалтер и кумекаю, что рентабельно, а что в убыток. Вы хорошо знаете Карачаева? Мне, парнокопытному, просто жаль его редкостного таланта, дара Левши, закопанного в землю по холку! Или, скажем, вы... Это ли не глупость, трагикомедия, что вас сюда пригнали?

Глаза ее сузились.

— Меня не пригоняли. Я доброволец. Здесь мое сердце.

Он рассмеялся. Встал, взял ее руку и поцеловал.

Она вырвала руку.

— Что вы делаете...

— Не понимаете, что делаю? Не верю. Вы дворянская дочь, гражданка Коренева! Сие написано у вас на челе водяными литерами.

Она побледнела, он похлопал ее по руке.

— Не бойтесь. Вы не на чистке. Я не донесу.

— Я не боюсь,— сказала она.— Мой отец не имел поместий. Он учительствовал всю жизнь, подобно своему отцу.

— Разночинец? Гм... Стало быть, пропойца... или гений! Служил в армии?

— Конечно! Воевал и был ранен пруссаками на Мазурских болотах.

— В каком чине?

— Начинал вольноопределяющимся... Убит на русской земле колчаковской пулей в живот.

— Он был у красных?

— Он расстрелян, Иван Викентьевич, дутовцами.

Иван Викентьевич поморщился брезгливо.

— Дутов — выскочка и вор. То же, что Унгерн. Оба подохли собачьей смертью... Давайте-ка я вам подолью горяченького.

Она усмехнулась про себя. И нарочито шумно отхлебнула из чашки огненный, черный, как вино, чай. Он посмотрел на нее снисходительно, как на озорного ребенка.

— Вам... нравится Карачаев?— спросила она.

— Нимало! Но, верите ли, он за одну ночь починил мне дедовские настольные часы, которые отказались смотреть в Швейцарии, в Лозанне, двадцать лет назад... Вот они...— Павлищев показал на комод. Часы в виде павильона из стекла с бронзовыми колоннами и шатром.— Вы уже знаете, конечно, что он не терпит меня, но не за что-либо, поверьте слову, а за то, что я смыслю в лошадях... Этот человек видит будущее таким, каким никто из нас не видит, причем неистово убежденно, как маньяк или пророк. Право, я отдал бы один глаз, чтобы другим увидеть то, что он видит,— из чистого любопытства.

«Невероятно,— думала девушка с волнением, которое хотела бы скрыть.— Маньяк или пророк...» Она бы сказала другим словом: партиец. Для нее в этом слове соединилось все, что можно сказать о герое. Ей хотелось еще послушать про Карачаева. И Павлищев, словно поняв ее, добавил, почесывая себе ногтем мизинца кончик носа:

— Если он захочет, милый мой доброволец, вы станете его женой.

— Же-ной?— Она засмеялась, не очень натурально.

— Или любовницей — все едино. Поэтому вы шли через Иртыш у него на глазах.

— Нет, не поэтому,— сказала девушка с преувеличенным высокомерием.

Павлищев равнодушно пожал плечами.

— У него есть приятель — геолог, с комичной фамилией Небыл. Из чехов, наверно. Зовут Яном. Ищет золото для Советской власти.. Так вот одна девица из его геологической партии, девица как девица, я бы сказал, не из самых глупых, прониклась нежным чувством к Карачаеву, но без взаимности; отчего — не могу знать. И что же получилось? Завела она его однажды, в знойный денек, в лес, под каким-то деловым предлогом, и вдруг сорвала с себя накомарник, затем платье и легла на траву в чем мать родила под тучей комаров... Вот какая петрушка! Надобно вам сказать, что это был отнюдь не вид кокетства или чего-либо подобного, а скорей вид самоубийства, очень мучительный, впрочем, не мучительней иных. Дело каких-нибудь десяти, пятнадцати минут. Если бы комары трижды снялись с ее тела, напившись, она вряд ли выжила бы. Это равнозначно общему ожогу.

Павлищев помолчал, ожидая вопроса: что же было дальше? Но не дождался.

— Обыкновенная мужицкая байка... в общем, про баб!— сказала девушка.

— Возможно. Не исключено,— мягко отозвался Павлищев.

— Что же, он хороший человек?

— Не-вы-носимый! Вам ведомо, как казак холит коня? Не снимая с руки нагайки.

Она поднялась из-за стола и прошлась по комнате, исподтишка поглядывая на комод, покрытый самодельным кружевом, и на часы-павильон, поблескивающие бронзой... Нет, пожалуй, с дворянской дочерью Павлищев не так бы держался. Это разговор с комсомолкой, с властью, которая от бога!

«Что же такое Карачаев?»— думала она и вздрагивала невольно: та, облепленная комарами, мешала о нем думать.

Конечно, груб, как матрос. Тяжелая, видно, у него рука. У Левши должна быть не такая...

Чем же он мне, Кореневой, полюбился? Наверно, тем, что не ставил меня ни в грош! Однако говорил на «вы»... И все же оказал честь — назвал бешеной девкой.

Об этом человеке хотелось думать. Хотелось поскорей увидеть его и вновь услышать злой, насмешливый, властный голос и еще раз непременно отчаянно рассердить его...

Она просидела с Иваном Викентьевичем до первых петухов и ночевала у него дома.

А утром в Совете она узнала, что Карачаев уехал в район. Куда? Надолго ли? Все это знали, и никто не говорил. Все знали и то, что командированной из Семипалатинска нужна верховая лошадь и, если возможно, провожатый. Нет лошадей! Тем более провожатых. Некому с ней нянчиться. Пускай идет к бухгалтеру, пьет с ним чай. У него чай знаменитый.

Иван Викентьевич был явно обескуражен тем, как с ней обращались. Но усмотрел в этом скрытый смысл, которого на самом деле не было.

— Вы когда-либо ездили верхом?— спросил он.

— Ни разу в жизни.

— Зачем же вы требуете коня?

— Не знаю... Смешно, да?

— Напротив. Прелестно! Хотите, я... провожу вас в горы?

Она подумала: а вдруг Карачаев нагонит их и ужасно накричит на нее при людях? И ответила:

— Очень буду благодарна.

(Продолжение следует.)

САМЫЙ НАСТОЯ

А. КОЛОДНЫЙ
Фото А. БОЧИНИНА.

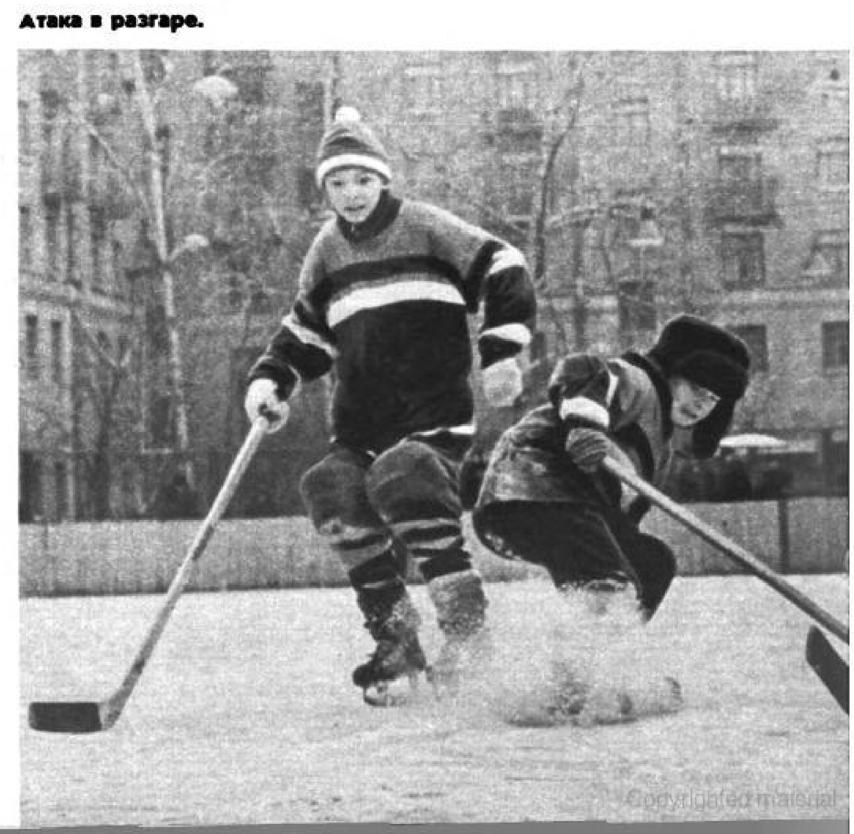
Да, мы были свидетелями самого настоящего хоккея. Без преувеличений! С его бешеным темпом, яростными атаками, силовой борьбой, высоким накалом страстей — и на поле и на трибунах. Только проходил этот матч не на катке в Сокольниках, не на стадионе «Динамо» и не под сводами Дворца спорта в Лужниках, а во дворе дома № 58, по улице Щербаковской, в Москве.

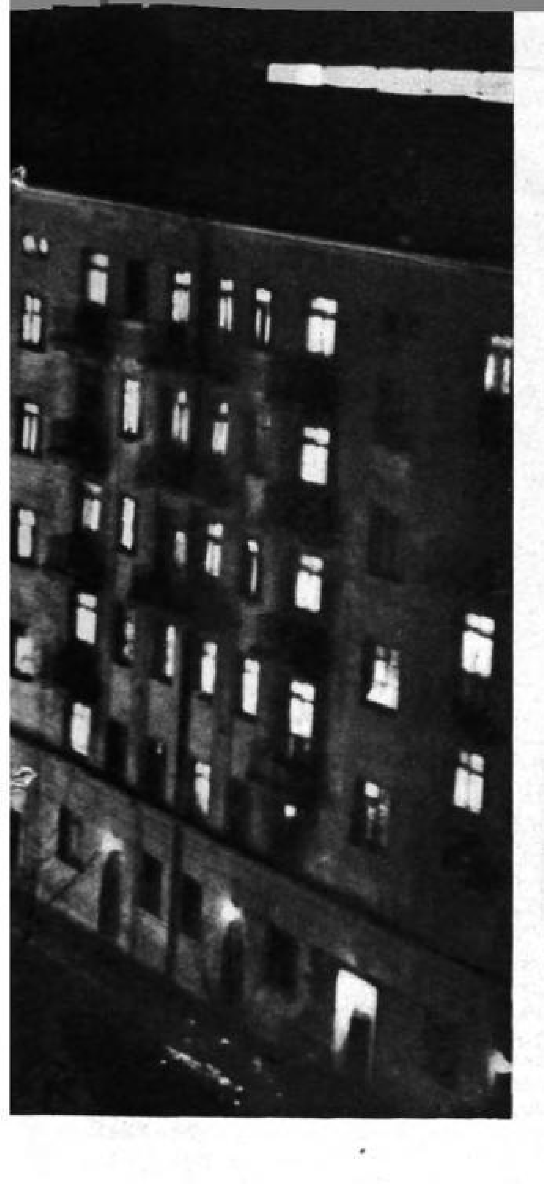
Дождались своего часа маленькие хоккеисты, ведь ртутный столбик в декабре никак не хотел опускаться ниже нуля. Кое у кого даже запало в душу серьезное сомнение: удастся ли вообще сыграть хоть один раз в истекающем 1965 году? Ребята позвонили в Центральный институт прогнозов. и там им сообщили, что зима вот-вот вступит в свои права, можете заливать хоккейное поле. И тогда на воротах дома

Александр Кукушкин, Надир Муслимов и Александр Зимин спешат на поле.

Атака в разгаре.

ЩИЙ ХОККЕЙ

№ 58 появилась афиша: «Открытие хоккейного турнира. «Золотая шоколадка». Играют ребята 10—13 лет».

Итак, матч в разгаре, стремительно меняются тройки, и зрители громогласно требуют «шай-бу!»... Все было как в самом настоящем хоккее. Мы поделились своими впечатлениями с нашим соседом по «трибуне», молодым инженером Вячеславом Павловичем Кондратьевым.

— Чему вы удивляетесь?— спросил нас Вячеслав Павлович.— Да, настоящий хоккей. Да, наш дом кое-что понимает в этой игре. А как же? Ведь хоккейная площадка появилась у нас под окнами десять лет назад, и сейчас на ней вполне могла бы сыграть наша славная сборная, та, что чемпион мира. Вот только с раздевалкой было не все гладко. Пришлось использовать для этого квартиру. Сперва Валя, это моя жена, возражала, но теперь ничего, привыкла. Самый настоящий хоккей! Ну да, конечно же, настоящий. Ведь наших 30 мальчишек играют теперь в клубных командах. А про Женю Зимина слышали? Конечно, тот самый! Из «Спартака». Он сегодня судит матч. А вот его младший братишка, Саша. В первой тройке играет... Ну, давайте смотреть.

Да, тут было не до посторонних разговоров, шайбы одна за другой летели в рукавицы лучших вратарей дома Валерия Ерохина и Алеши Пронина, а вот под возмущенный свист зрителей самый азартный нападающий, Андрюша Кондратьев, сын Вячеслава Павловича, удаляется на две минуты... Забита первая шайба в ворота Валерия Ерохина, забита вторая, но во втором периоде разыгрался наконец знаменитый Надир Муслимов, недаром у него слава Альметова! Тяжело пришлось Алеше Пронину, и вот итог матча: муслимовцы победили со счетом 6:4.

— Ну, как впечатление?— спросил нас Вячеслав Павлович.— Умеем мы играть в хоккей?

А когда мы подошли поздравить с победой героя этого матча Надира Муслимова, он, посасывая призовую шоколадку, спросил:

— Интервью брать будете?— и на ходу сообщил, что рад удачному началу сезона, а затем любезно пригласил нас на все последующие матчи.

Ну что же, мы воспользуемся твоим приглашением, Надир, потому что, как и ты, любим хоккей. Особенно настоящий.

Алеша Пронин не унывает.

Судья матча Зимин-старший.

Первая тройка.

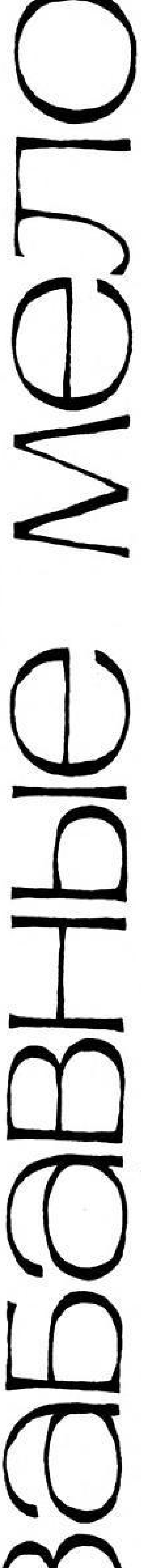
Штраф — две минуты.

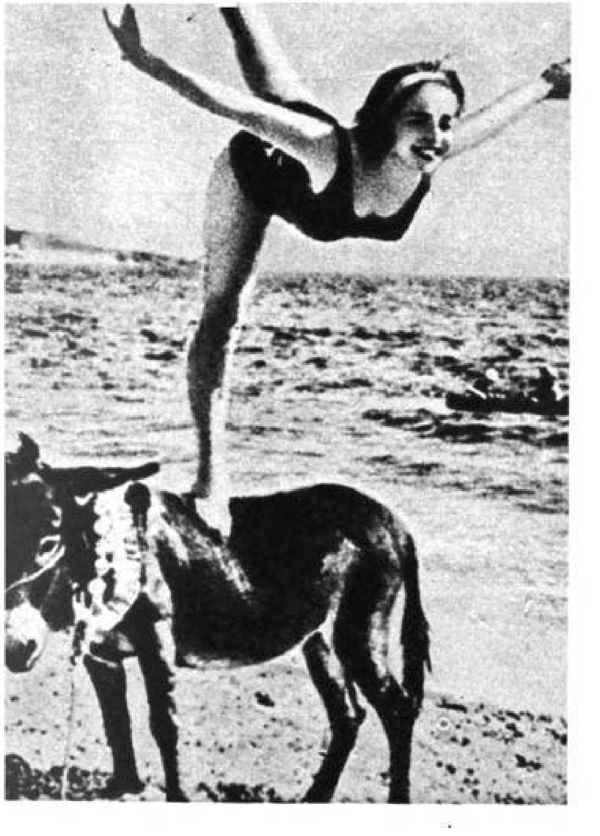

Вячеслав и Андрей Кондратьевы — поклонники хоккея.

На западной трибуне.

ТРЕНИРОВКА НА «КОНЕ»

Гимнастическое упражнение на ослике выполняет известная чехословацкая спортсменка Вера Чаславска. Она подружилась с этим животным, отдыхая на берегу Адриатического моря в Югославии.

ЖЕНСКИЙ БОКС

Мужчины Швеции очень озабочены: на боксерских рингах появились женщины.

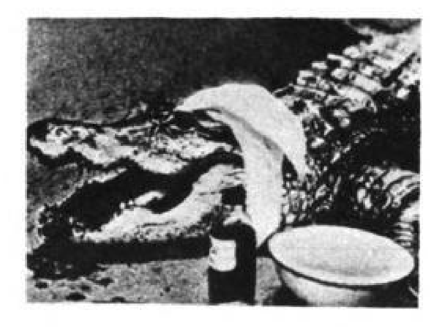

СНЕГОХОД

Этот оригинальный автомобиль на лыжах создан в США. Он имеет длину 2 метра, весит 50 килограммов и развивает скорость до 60 километров в час.

ТАКСИ-АМФИБИЯ

Одна из английских фирм выпустила такси, способное передвигаться по суше и по воде.

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

У крокодила Джорджа, обитателя Честерского зоопарка (Англия), разболелись зубы. Плачущему от боли пациенту врачи дали лекарство и перевязали его.

СОКОЛЫ НА СЛУЖБЕ АВИАЦИИ

Большую опасность для самолетов представляют птицы. На многих аэродромах Англии перед взлетом самолета выпускаются дрессированные соколы, которые очищают воздушное пространство от птиц.

ДЖАЗ БАБУШЕК

Самой младшей оркестрантше 50 лет, самой старшей — 80. Всего в составе джаза двадцать две дамы. Такой оркестр организован в Швейцарии. Наиболее темпераментной исполнительницей в джазе считается семидесятипятилетняя контрабасистка Дороти Саутер.

Лесли **РИС**

Рассказ

Рисунки В. Трофимова.

Это произошло в далекой Австралии. Героем нашего рассказа будет Эйрура — австралийский кенгуру.

Когда мы с ним познакомились, ему было всего несколько месяцев. Он уже умел прыгать на своих длинных, крепких ножках и очень любил сидеть в теплой сумке своей мамаши Луритчи. Правда, у него была еще сестренка Куорра, которая тоже не хотела расставаться с маминой сумкой. Вдвоем им было тесно, они начинали толкать друг друга и даже драться. Эти драки продолжались до тех пор, пока им обоим не попадало от матери. «А я имею больше прав занимать эту сумку»,— говорила Куорра. «Это почему же?» — негодовал Эйрура. «Да потому, что ты ведь сирота и Луритча не твоя мать, а моя»,— отвечала Куорра. «Мама, это правда?» — спрашивал Эйрура у матери.

«О, не беспокойте меня, отстаньте!» — возмущалась Луритча, оставив детенышей резвиться на траве.

Таким образом Эйрура узнал правду. Он и в самом деле не был родным сыном Луритчи. Случилось это так. Однажды охотники окружили стадо кенгуру. Охотников было шесть человек. А кенгуру было семь. Шесть из них было убито, а седьмая — это была Луритча — легко ранена копьем. Охотники решили отпустить ее. И положили ей в сумку маленького недельного кенгуренка, совсем крошечного, безволосого, розового. Это и был Эйрура. Скоро Луритча совсем поправилась, у нее было много молока, и Куорра и Эйрура начали подрастать очень быстро. Им скоро стало тесно в сумке, и вот тут-то они стали затевать драки. Никому из них не хотелось оставлять маму и выходить в такой неизвестный, полный опасностей мир. Эйрура был очень непоседлив, какой-то бесенок вселился в него и как будто говорил ему все время: «Покажи, на что ты способен, покажи, какой ты сильный, шлепни свою сестру». Но этот бесенок не сказал Эйруре, что сестра может дать сдачи. Так и случилось. И, наконец, однажды Эйрура заявил матери: «Я думаю, что могу прыгать, как другие, я уже большой». «Я буду счастлива, если это так»,— спокойно ответила Луритча.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЖИЗНИ

Маленькому кенгуренку было чему учиться. Опасности подстерегали его на каждом шагу. Да и опыта не хватало. Прежде всего следовало научиться различать травы. Они были разного цвета, вкуса, запаха. Стояло жаркое, сухое лето, трава была желтая, надо было научиться добывать корешки трав, счищать с них землю. Прохладные корни были сочны и приятны на вкус.

Уже нельзя было в минуту опасности прыгнуть маме в сумку, надо было защищаться самому.

Однажды стадо кенгуру резвилось на поляне меж зарослей «пустынного дуба». Стоял хороший летний день. Все было так спокойно

История Эйруры — австралийского кенгуру

кругом. Даже осторожная Луритча беззаботно шалила с детьми.

Но вдруг в воздухе зашумели черные крылья, и два ястреба бросились вниз. Животные замерли от страха. Сначала ястреб бросился на взрослых кенгуру, но они оказались не под силу даже таким крупным птицам. Тогда хищники взялись за малышей. Один из них поднял кенгуренка в воздух, а мать с ужасом следила, как ее детеныш исчезает из

виду. Мать была совершенно беспомощна и ничем не могла помочь ему.

И Луритча, и Эйрура, и Куорра с трудом добежали до деревьев и стояли, прижавшись друг к другу и онемев от страха.

О, это был тяжелый урок! После этого они всегда прислушивались к шуму крыльев и в тревоге посматривали на небо.

С каждым днем детеныши взрослели. Их обоняние и слух обострялись, они чувствовали запах пищи на большом расстоянии. Они постепенно становились невидимыми для врагов, их шерсть становилась гуще, принимая окраску прерий. И Эйруру было очень трудно отыскать среди необозримых прерий. Прыжки малышей становились увереннней, выше. Словом, они выходили на самостоятельную дорогу. А Эйрура, подражая взрослым, укладывался на бок и облокачивался на локоть. Ему очень нравилось отдыхать в такой позе, полузакрыв глаза.

ВСТРЕЧА С ВРАГОМ

Уже давно бы пора настать дождливому времени, а дождя все нет и нет. И деревья, и кустарники, и звери, и птицы — все ждут влаги. Гром гремит, ветер шумит в кустарнике, а дождя все нет и нет.

А кенгуру так нужен дождь, так хочется пить, да без воды нет и сочной травы и вкусных листьев. Без воды можно погибнуть от жажды и голода. Ветер дул все сильней и сильней, он сдул песок и землю, песок засыпал ложбинки, где сохранилась хоть капля воды. Теперь не только кенгуру, но и эму, и кролики, и орлы остались без воды.

Эйруре некогда было валяться под деревьями в своей любимой позе, облокотясь на переднюю лапу, надо было разыскивать траву и воду. Он совсем отощал. Шерсть стала тонкой и безжизненной. Да и у всех кенгуру был несчастный вид. Они должны были все время двигаться в поисках пропитания, а более слабые забирались в старые пещеры и там умирали. Более живучие прыгали и прыгали за своим вожаком, находили немного пищи и шли дальше.

Однажды с Эйрурой и Куоррой случилась беда. Кенгуру нужен свет, как и люди, они в темноте ничего не видят, а ночи стояли безлунные, к водопою пришлось идти днем. Они спокойно перепрыгивали с камня на камень. И, о ужас! Вдруг огромная ящерица-пренти вцепилась Куорре в шею. Это была старая, опытная ящерица, и она очень любила лакомиться маленькими кенгуру. Куорра отбивалась изо всех сил, но ничего не помогало. А Эйрура, помертвев от страха, отскочил и, весь дрожа, смотрел на свою сестру. Он помчался во весь дух подальше от страшной ящерицы. Но вдруг инстинкт взрослого животного заставил его вернуться и броситься на помощь Куорре. Он понял, что не может оставить ее в беде. Ящерица очень удивилась, увидев, что кенгуру так воинственно настроен. Такое случилось с ней впервые. Куорра немного оправилась, и они все трое смотрели друг на друга. Вдруг ящерица совсем отпустила Куорру и быстро убежала. Она убежала в одну сторону, Эйрура в другую, а Куорра в третью.

Эйрура испытывал странное чувство. Он чувствовал себя совсем взрослым, он чувствовал свою силу, ему было очень легко и приятно. Он спас Куорру!

ЭЙРУРА ВСТРЕЧАЕТ МЕРЛУ

Он стал взрослым и выбрал себе подругу. Ее звали Мерлу. Она была очень грациозна. В сухие зимние вечера они играли, боролись, ласково покусывали друг друга. Они никогда не уходили далеко от стада. В стаде было пятьдесят кенгуру.

Небо было светло-голубое. Днем стояла довольно теплая погода, но зато ночи были холодные. Хорошо еще, что животных от холода защищала их густая шерсть, а то бы им пришлось совсем плохо.

В ночном небе сверкали звезды. То, что люди называли Млечным Путем, казалось, разделяло небо от севера до юга. Проходили зимние месяцы. Все — и звери, и птицы, и, наверное, люди (только Эйруре это было неизвестно) — ждали дождя. И вот наконец он пошел!

Как он был нужен, как нужна была сочная, зеленая трава, ведь кенгуру голодали и даже не родили ни одного детеныша!

Недалеко от пастбища, где находились кенгуру, протекала река. Когда было сухо, в ней не оставалось воды и даже виднелось дно. Но взрослые кенгуру предупреждали: «Никогда не переплывайте реку, никогда не входите в воду, даже в сухую погоду».

Однажды Мерлу и Эйрура отдыхали неподалеку от устья реки. Засверкала молния, загремел гром, пошел дождь. Одна капля, другая, третья, много-много капель. Красная земля прерий приобрела еще более глубокий, более сочный цвет. Наконец земля уже не могла принимать воду, образовались лужи, озера, все кругом залило. Река стала бурной и быстрой. Эйрура и Мерлу промокли насквозь.

— Пойдем! — сказал Эйрура.

— Но куда? — спросила Мерлу.

Прошло несколько часов. Оба молчали. Нигде нельзя было укрыться от дождя, а он все шел и шел.

— Давай перейдем через реку,— предложил Эйрура.

— О, нет, нет! — откликнулась Мерлу.

— На другой стороне есть, наверное, пещеры.

— Помни, что говорят старые кенгуру, никогда не переходи реку,— заметила осторожная Мерлу.

— Давай пойдем, я уверен, что это безопасно,— настаивал Эйрура.

Но робкая Мерлу не соглашалась.

— Тогда я пойду один,— заявил Эйрура.

— Это — сумасшествие, не ходи,— умоляла Мерлу.

Но Эйрура скрылся в сетке дождя.

Сначала все было просто. Конечно, река стала глубже, в отдельных местах были впадины, в которых бурлила вода. Но разве не переплывал он реку несколько раз? И как раз в этом месте. И если даже некоторые кенгуру боятся, то ему, прыгнувшему на ящерицу-пренти, бояться нечего. Он переплывет реку.

Эйрура прыгнул в воду. На середине реки он обнаружил, что глубокие впадины надо перепрыгивать и так добираться до чистого песка на противоположном берегу. Ему нравился запах мокрого песка и темной прохладной воды. Пока все шло благополучно, потому что не было водоворотов и глубокого течения. Он уже проплыл довольно долго, но до берега было еще далеко. Он остановился. Мелькнула мысль: «А не вернуться ли к Мерлу?» И вдруг ему послышались совсем новые звуки. Глухой, отдаленный рев как бы нарастал в воздухе. Этот звук шел с верховья реки. Паника охватила Эйруру. Большими прыжками, собрав все силы, он старался добраться до берега.

О, если ему удастся сделать еще два прыжка, он будет в безопасности! Но ему не удалось их сделать.

Он очутился в воде по самые плечи. Он плыл, боролся, отбивался, но все напрасно. Шум воды оглушил его. Он уже был под водой, он ничего не слышал, ничего не чувствовал. Вода все сметала на своем пути. Она переворачивала его снова и снова, тащила его, не давала вздохнуть. Его протащило мимо места, где он оставил Мерлу. Если бы он был в состоянии что-нибудь видеть, он увидел бы и Мерлу, и стада кенгуру, и эму, бегущих от опасной реки.

Но он ничего не видел. Все его тело, все его мускулы были напряжены, все его мысли были сосредоточены на том, чтобы избежать этих могучих мутных волн, чтобы не удариться об обломки дерева, которые несли потоки воды. Дождь все еще лил, но Эйруру ничего не чувствовал. Два, три раза он думал, что настал конец, что он погиб.

ЛЮБИМЕЦ МИССИОНЕРОВ

Эйрура открыл глаза, тяжело вздохнул и, вздрогнув, оглянулся. Где он? Его мех промок. Но шум в ушах прекратился. И прекратился этот ужасный рев. Эйрура лежал на берегу реки. Кто-то сидел верхом на лошади неподалеку от него. Это был человек. Эйрура сделал инстинктивное движение, чтобы удрать. Но у него не хватило сил даже на то, чтобы подняться, он опять улегся. Белый человек слез с лошади и стал на одно колено. Он положил руку на шею Эйруры.

— Что, утомился? Счастлив, что выскочил.

Эйрура, конечно, не понял ни слова, он вздрогнул под рукой человека.

— Ты выглядишь так, как будто все обошлось хорошо. Пожалуй, лучше тебя оставить здесь,— продолжал человек.

Но в эту минуту что-то заставило его посмотреть на небо. Там, в высоте, парил огромный орел. Даже снизу было заметно, как он посматривает на Эйруру.

— Э, нет, я тебя заберу отсюда,— сказал как бы самому себе человек.

Он вытащил из кармана кусок веревки и привязал полумертвого от страха Эйруру к седлу. Они направились к домам миссионеров.

Дождь прекратился. И долго же носило Эйруру по воде! Он ведь был без сознания, когда течение реки прибило его к берегу.

Что же дальше? На его жизненном пути второй раз встретились люди. Они подъехали к поселку. Эйрура увидел белые, грубо сколоченные домики. В них жили туземцы. А неподалеку белели дома миссии, они были крыты железом и окружены стеной.

Дети туземцев высыпали навстречу.

— О, маленький кенгуру! Он умер? Он жив! — закричали они.

Мальчики были одеты в штаны и рубашки, девочки носили синие платья. Все были босиком. Волосы девочек были подстрижены. Человек снял Эйруру с седла и посадил на песок. Животное опять вздрогнуло.

Ребята закричали:

— А кенгуру вкусный! Будет хороший обед.

— Нет, нет,— улыбнулся человек.— Давайте не будем его есть. Пусть он играет с нами. Он так боролся за свою жизнь, что заслужил ее.

Всем темнокожим детишкам понравилась эта мысль. Всем, кроме одного, по имени Атма. Он все время бормотал:

— Лучше его съесть, лучше его съесть.

На обед Эйруру предложили молоко и траву. Но он ни до чего не дотронулся. А ребята танцевали вокруг него, пока их не позвали на урок.

Эйруру перенесли во двор, загороженный проволокой. Он закрыл глаза. Он был возбужден, взволнован и своим путешествием и незнакомой обстановкой.

На него все время глазели ребята и взрослые, но вскоре все ушли ужинать и оставили его в покое.

Целых два дня у него не было аппетита. Он сидел сгорбившись и смотрел затуманенными глазами на окружающие прерии. Зеленая трава и кустарники разрослись после дождя. Яркие цветы пламенели в углу двора. Но бедный Эйрура ничего этого не замечал.

Каждое утро и каждый вечер детишки бросали ему лакомые кусочки. Все детишки, кроме Атмы, который смотрел на него недобрым взглядом. Эйрура все еще не ел. Однажды вечером он наблюдал за мальчиками и девочками, сидящими на песке группами по три, четыре человека вокруг маленьких костров. Все пели, а один старый туземец с длинными свисающими усами руководил пением. Ребята подкладывали дощечки и палочки в костры. Потом костры погасли, все разошлись по домам. Эйрура остался один. И вдруг он почувствовал голод. Да, он был голоден!

Он встал тихонько на задние лапы и двинулся вперед. Он съел капустный лист, кусочек апельсиновой корки, ломтик хлеба.

И вдруг почувствовал себя сильным. Он начал выздоравливать. Он даже делал прыжки, правда, еще невысокие, поднимал голову, когда ребята подносили пищу. И ему захотелось на свободу, потянуло к своим. Но он почти забыл Мерлу, он обленился, ему не надо было добывать пропитание, все было готовое.

Кругом ходили странные существа. Это были ослики. Их было десять, их запрягали в повозки, и старые туземцы возили на них хворост для очагов. Были и верблюды с горбатыми спинами и надменными шеями. Иногда появлялся человек в большой широкополой шляпе, что-то говорил верблюдам, и они покорно следовали за ним. Он нагружал на них ящики, и они куда-то отправлялись.

А один туземец, который подметал двор, частенько откладывал свою метлу и играл с Эйрурой. Тогда тот вспоминал свои игры, тыкался носом в его ладонь, толкал его и подавал ему лапы, а туземец почесывал его за ухом. Они занимались боксом, и это всем очень нравилось. Ребята смеялись. Скоро Эйрура стал общим любимцем.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НОЧЬЮ...

Была безлунная, тихая ночь, и только звезды смотрели на эту мирную картину. Но вдруг послышался шорох: это вышел из своей хижины Атма. Его отца не было дома, мальчик остался один. Сегодня в безлунную ночь можно было выполнить давно задуманное. Мальчик тихо, крадучись направился к домам миссии. Сегодня ночью он схватит Эйруру, перережет ему горло, снимет кожу... Все это он успеет сделать до восхода солнца. Никто ни о чем не узнает, а у него будет много хорошего, вкусного мяса. Открывая ворота в загончик, где лежал Эйрура, он двигался тихо, как тень. Но Эйрура почувствовал, что идет Атма — его враг, и отскочил в сторону.

Но он опоздал: Атма успел схватить его и пытался связать ему ноги веревкой.

Эйрура потерял способность сопротивляться. Нож блеснул в руках у Атмы. Видя, что животное лежит спокойно, Атма решил оттащить его подальше от домов. Он понимал, что его не похвалят за убийство общего любимца. Ногой Атма открыл ворота и побежал к кустам. Атма был взволнован. Он знал, что его будут все презирать.

Вдруг Эйрура начал яростно отбиваться. Инстинкт жизни победил. Атма побежал быстрее. Но Эйрура ударил его по глазу, он споткнулся о корень и упал. Эйрура не терял времени даром. Он поднялся на передние ноги, взмахнул своим сильным хвостом, сорвал веревку. Сделав огромный прыжок, он перескочил через стену и помчался подальше от ненавистного Атмы. О, какие прыжки он делал! Давно он так не мчался.

Утро застало его далеко. Он очень устал, но не проголодался. Прыгая и отдыхая, отдыхая и прыгая, он добрался до реки, которая обошлась с ним так жестоко.

Теперь река была совсем другой: она спокойно текла в своем русле, а кругом на берегах был сухой, белый песок. Эйрура понимал, что до старого стойбища далеко и ему придется проделать немалый и нелегкий путь, пока он дойдет до своих. К полудню, когда солнце стало очень сильно припекать, он нашел поляну с несколькими цветущими кустами, дающими тень, и прилег отдохнуть. Зяблики разлетелись при его приближении. Эйрура чувствовал себя очень спокойно. Наконец солнце стало клониться к западу. Ста-

ло прохладней. К чему торопиться? Он будет путешествовать ночами. Прохладней! Но когда наступила ночь, ему вдруг стало страшно одному. Он услышал вой дикой собаки динго — своего вечного врага. Врага всех кенгуру.

Утро застало Эйруру в узкой, незнакомой ему долине. Должно быть, в тот памятный день он по воде пронесся мимо нее. Он ведь тогда был полумертв от страха и ничего не замечал вокруг. Теперь ему предстояло пройти через узкое ущелье, огражденное со всех сторон, как стенами, красными скалами. Кое-где скопилась вода, и Эйрура останавливался, чтобы напиться.

Кругом открывался чудесный вид: огромные скалы образовали амфитеатр, который как бы тонул в красноватой дымке. Все это великолепие освещалось ярким солнцем.

Вдруг Эйрура увидел животное, удивительно похожее на него самого. Это был коротконогий горный кенгуру. Как он прыгал! Какие уверенные движения! Эйрура полюбовался на него.

Долина все расширялась. Эйрура нашел уютное местечко и лег отдохнуть. Ему приснилось прошлое, приснился огромный кенгуру, о котором он слышал в детстве. Он проснулся, поел и двинулся дальше. Скоро показались знакомые места. Он прыгал, настораживал уши, смотрел во все глаза, нюхал воздух и, наконец, о счастье, добрался до целого стада кенгуру. И среди них были Мерлу и Куорра. Как он был счастлив!

ОПЯТЬ СРЕДИ СВОИХ

Сначала никто ничего не понял. Все думали, что Эйрура давно погиб. Мерлу и Куорра сердечно поздоровались с ним. Но некоторые взрослые кенгуру, особенно вожак, не были довольны его появлением.

— Чего ты пришел назад? — ворчали они.— Тебя так давно не было, не надо было совсем приходить.

Но Эйрура не струсил. Долгое путешествие придало ему храбрости, он поверил в свои силы. Весь молодняк окружил его, чтобы послушать рассказ о дальних странах, о долгом путешествии. Мерлу была добра к нему. Она даже не сказала, как говорят обычно в таких случаях: «Я тебе говорила...» — когда он рассказывал о своих злоключениях в реке.

Эйрура не был достаточно силен, чтобы драться со взрослыми. Он избегал драк со стариками и дружил с молодыми. Так прошла зима, а с нею и холодные морозные ночи. Вскоре все приключения Эйруры были забыты. Жизнь была полной и интересной. Однажды весной Мерлу указала Эйруре на маленького розового кенгуренка:

— Это наш, Эйрура.

Пришло лето. Теперь Эйрура держался подальше от рек и водоемов. Трава зеленела, жарко светило солнце. Было очень хорошо. И так проходили месяцы. Следующее лето было сухим, и кенгуру страдали от жажды, от голода. Животные гибли всюду. И тела их терзали ястребы и орлы. Эйрура все же кое-как существовал, но Мерлу вдруг исчезла.

Ее тело лежало около дерева, с которого она старалась содрать кору. Эйрура очень похудел, его яркая шерсть свалялась и загрубела. Обессиленные кенгуру медленно передвигались с места на место.

Затем было несколько хороших лет. Но кенгуру постигло другое горе. Охота! Ох, уж эти охотники! Вооруженные всадники, туземцы и белые, скакали верхом по прерии и охотились на кенгуру. А затем устроили загон для быков: видите ли, кенгуру съедали много травы, и для их быков не хватало, а следовательно, выход был один — надо было уничтожать кенгуру. И охотники это делали с большим рвением.

Эйрура был теперь одним из самых сильных животных в стаде. У него с вожаком началась драка. Они не щадили ни себя, ни своих сил. Это была драка за власть, за первенство, и никто из них не хотел уступить. В конце концов они сами рады были бы прекратить эту драку, но не могли. Наконец они оба устали. Никто из них не победил, но все же Эйрура чувствовал, что он скоро будет вожаком. Сирота победил!

ОХОТА

Эйрура отдыхал, развалившись, как человек, и лениво посматривал по сторонам. Он превратился в большое, сильное животное. Он был отцом многих больших и маленьких кенгуру. Все благоприятствовало животным: и еды было достаточно и воды хватало. Но хозяева рогатого скота были обеспокоены большим количеством животных. Боялись, что не хватит травы для их быков и коров. «Надо что-то предпринять,— говорил человек в широкополой шляпе.—С этими кенгуру мы не сможем прокормить стадо».

И началась охота на кенгуру. Жителей соседних деревень было трудно приглашать, они жили слишком далеко. Но за ними посылали машины. И вот однажды все туземцы и белые разделились на группы и начали охоту. Эйрура и его друзья привыкли к шуму машин, они спокойно паслись до тех пор, пока пули не засвистели у них над головами. В одном месте паслись Эйрура, Куорра и еще двое. Все они были очень любопытны, и им хотелось узнать причину шума. Они спрятались за кусты и начали прислушиваться. Эйрура чувствовал знако-

мые запахи — прерий, травы, земли. Ничего страшного. Еще один выстрел прозвучал в воздухе. Эйрура подскочил и помчался вместе с Куоррой и другими, не останавливаясь. Куорра остановилась отдохнуть. Она не знала, что опасность близко, что человек с ружьем бежит за ней, но прячется за деревьями и следит за каждым ее шагом. Третий выстрел уложил бедную Куорру. Она почувствовала сильную боль в груди, кровь потекла по ее мягкому меху. Ее долгая жизнь закончилась.

Через несколько часов охотники вернулись к машинам. Они тащили мертвых кенгуру. Но Эйруры среди них не было. Он был слишком осторожен. Охотники не успокоились. Теперь кенгуру окружили загонщики и водители на грузовиках. Им видно было очень большое пространство, и кенгуру покрупнее были убиты в самом начале охоты. На обратном пути они едва не схватили Эйруру. Грузовик мчался прямо на него. Обычная осторожность изменила Эйруре, и вместо того, чтобы спрятаться в зарослях, он прыгал впереди грузовика. В него стреляли, но он продолжал передвигаться огромными прыжками. Наконец один грузовик почти наехал на него, и его бедный хвост очень пострадал от этого соприкосновения. Несколько недель он ощущал страшную боль. Ему казалось, что его хвост горит и его разрывают на части. Но его несчастья на этом не кончились.

Однажды Эйрура увидел всадника, спокойно пересекавшего долину, рядом с ним бежала собака. Эйрура помчался огромными прыжками, за ним остальное стадо. Три, семь, двадцать — он не знал, сколько их было. Вдруг одна молодая мать освободила свою сумку от детеныша. Ей было тяжело его тащить. Она оставила его на земле. Она придет за ним позже, если будет жива. Сначала кенгуру прыгали очень быстро, но затем начали уставать, и охотники (их было уже двое) приближались. Собаки не отставали. Эйрура решил бежать к реке. Оба охотника с собаками преследовали его. Они решили поймать вожака.

О, это была скачка! Эйрура прыгал через скалы, камни. Охотники и собаки не могли следовать за ним. Но вот страшный момент наступил. Одна из собак вцепилась в шею Эйруры. Но в ее пасти остался только клок шерсти. Эйрура вырвался и бросился в воду. Собаки бросились за ним. Особенно свирепствовала одна из них. Совершенно хладнокровно она догнала Эйруру и бросилась на него. Другая тоже бросилась к нему. Люди на берегу кричали. Пуля задела мех. Но он все же задушил одну собаку. Всадники на противоположном берегу реки отрезали ему путь к отступлению. И Эйрура дрался. Он никогда так не дрался. Это был бой за жизнь, за существование. И Эйрура вышел победителем. Его передние и задние ноги были в движении, мощный хвост избивал крупного пса. Он увертывался, отбивался, и наконец ему удалось схватить собаку. Он сжал ее, что было силы, и она замертво упала в воду. Два человека наблюдали за этим яростным боем. Один из них, видя, что две такие ценные собаки пали жертвой Эйруры, спокойно прицелился, но... выстрела не последовало. Другой охотник остановил его: «Нет, нет, не стреляй». Он так был восхищен борьбой Эйруры за свою жизнь, его умом, что ему не хотелось убивать это находчивое, сильное животное.

Он поднял с земли камешек, бросил в Эйруру, и тот спокойно, с достоинством удалился. Скоро он скрылся из виду.

За много миль от места боя, в старинной, ему одному известной пещере, куда не ступала нога человека, Эйрура улегся и начал зализывать раны. Все тело его болело. Это был худший день в его жизни.

Кругом все было спокойно. Солнце постепенно скрывалось за горизонтом. Небо было голубым вблизи земли, нежно-розовым и светло-голубым ближе к облакам.

Сколько осталось в живых кенгуру? Где они теперь? Завтра он их разыщет и начнет новую жизнь.

Перевела с английского Л. Антоненкова.

Праздничные дали

Сергей ПОЛИКАРПОВ

Новогодний вечер

Добрый вечер,
Новогодний вечер,
Как снежинка, легкий и недолгий!
Ждут во всех домах с тобою встречи,
Радуясь, встречают на пороге.

Спят дымы на трубах,
Как на шпилях
Петухи из сказок поседелых.
Год уходит,
Оставляя в былях
Славу о руках своих умелых.

Утро вслед за ним пойдет порошей,
Подновляя праздничные дали,
Но его следы оно нарочно
Обойдет, чтоб люди увидали
Их весомость добрую,
На годы,
На века завещанную людям...

Посмотреть на трудовые всходы
Выкатится солнце медным блюдом.

Лесная галерка

Снег кипит, как молоко,
На костре на солнечном.
Артистично и легко
С номерами сольными
Выступают поутру
Звонкие пернатые.

Лес лыжнею отопру,
Шаг оправлю ватою,
Чтоб ни скрипа —
Боже мой! —
Как певцы обидчивы!
Сяду тихо под сосной
Я на пень коричневый.
На галерке этой я
Место забронировал.
Вдохновенностью живя,
Мир лесной солировал.

* * *

Не по госплановским нарядам,
Неограниченно —
Для всех,
Манящий изобильем снег.
Владейте, люди, им,
Он рядом!

Он под ногой, искрящ, податлив,
Он под рукою, чист, скрипуч...
На порыжелой елке
Дятла
Морзянку выбивает ключ.

Осколком солнечным
Сбривает
Щетину инея снегирь.
Зовет заснеженная ширь,
Веселья клады открывая.

* * *

Ходит, выгнув шею, как гусыня,
Белая поземка у крыльца,
И шипит, и стонет,
Словно сына
Потеряла — глупого юнца.

— Шелковистый, шаловливый,
Где ты?
Ох, не стань игрушкой коршунят.
И на горький плач ее
Рассветы
С факелами синими спешат.

* * *

Продрогла ночь на хвойных стенах.
Ее прогнавши прочь,
Мороз
Сиял в искусных диадемах
У безыскусственных берез.

Мальчишеское что-то было
В том,
Как он выжить ночь спешил.
От смеха челюсти сводило
У старых, чопорных светил.

— Дитя зимы,
Седьмое чудо!
Горазд на выдумки, смотри!
А ночь бледнела от простуды
И содрогалась до зари.

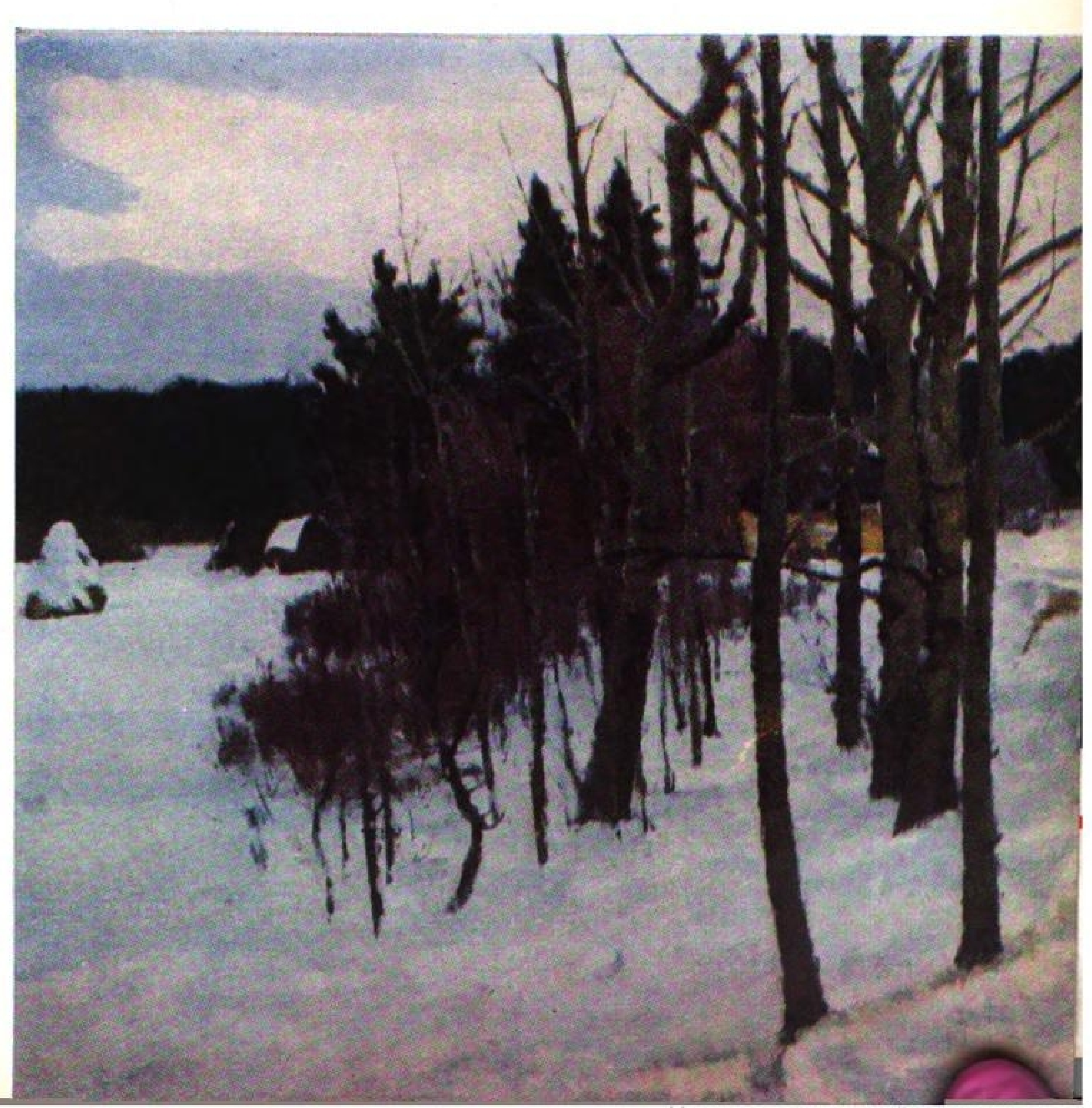
* * *

Бьют года нового часы —
Колокола.
Точней становятся весы
Добра и зла.

Яснeй содеянное все
Тобой и мной.
Мы оба жизнь свою несем
Не стороной.

Она, как холм в степи, видна
Издалека...
Во времена отражена
В руке рука.

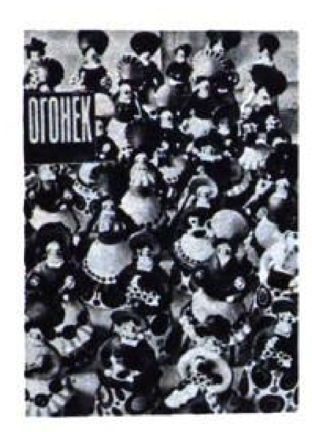
И. Погожев. ЛЫЖНИКИ.

И. Сошников. РУССКАЯ ЗИМА.

И. Шевандронова. В РОДДОМЕ.

Н. Ломакин. ПРИГОРОД.

ДЫМКОВСКОЕ ЧУДО

Краски, взыскательность, вкус, грациозность линий, своеобразие почерка... Откуда пришло все это в слободу за рекой Вяткой — слободу, которая и называется-то Дымково, в извечно бедный да и теперь еще не блещущий богатством край? Как из рук тех давних малограмотных, а то и вовсе неграмотных мастериц, задавленных нуждой, выходили эти солнечные игрушки?..

Может, виной всему природа тех мест?

Посмотрели бы вы хоть раз, какой белый-белый, нежный туман стелется по утрам над рекой Вяткой, а над ним, будто над ватными облаками, солнце, вставшее из-за бора, золотисто плавит стекла в домах на высоком берегу.

А весной, в половодье? Светлая Вятка рыжеет, меняет свой покладистый характер, делается сварливой, беспокойной. Бурлит, пенится, злится в тесных берегах, а тут, у Дымкова, почувствовав простор, она выплескивается на луга, затопляет пыльные улицы слободы — и вот вам крошечная Венеция стоит среди бурунов. С высокого городского берега хорошо видно, как снуют по затопленным улицам-каналам утлые лодчонки. Схлынет полая вода, оставив после себя голубые блюдца озерец. Заснеют колокольчики, забелеют ромашки. А потом, глядишь, зарозовела опушка бора буйным цветением шиповника.

Осенью кострами горят кусты ивняка, а зеленый покров лугов не увядает до тех самых пор, пока хрусткое серебро инея не присыплет, не притушит летние краски.

А может, из богатого вятского фольклора пришли неувядающие игрушки? Ах, сколько сказок сказывали, какие песни складывали на лесной вятской стороне!.. Помню, ночами просиживали мы на скрипучих полатях школьного общежития, рассказывая то веселые, то грустные, то страшные сказки...

Передо мною книга «Дымковские глиняные расписные». На суперобложке до боли знакомые фигурки, радужные цвета, неповторимые, как сами эти расписные детища народной фантазии, ума и рук народных.

Автор книги — кировский писатель Леонид Дьяконов, широко известный ранее фольклорист, а в последнее время выступающий как «взрослый» талантливый поэт. Громадный опыт собирания фольклора, творческий опыт поэта и прозаика помогли Л. Дьяконову поэтически, но с научной аргументацией написать о единственном в своем роде художественном промысле, найти ключ к разгадке дымковского чуда. Книга издана в Ленинграде, издана хорошо, со вкусом, с любовью. Ее приятно взять в руки, приятно раскрыть, хотя бы просто полистать. Иллюстрации великолепны, краски воспроизведены точно, и, листая, видишь перед собой этот яркий и своеобразный мир человеческой мечты.

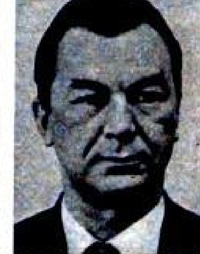
Андрей БЛИНОВ

На первой и последней страницах обложки:

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1965 ГОД

Дм. Бальтерманц

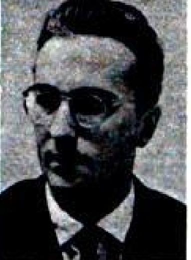

В. Богачев

С. Бродский

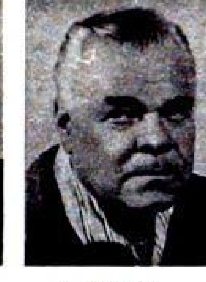

В. Викторов

С. Воронин

В. Герасимова

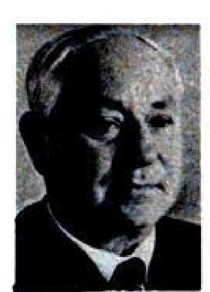

Д. Голубков

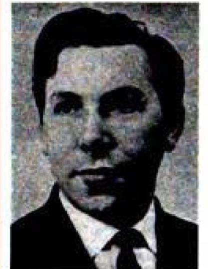

О. Гончар

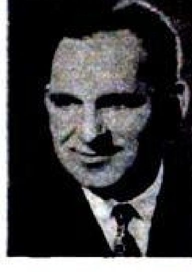

В. Горяев

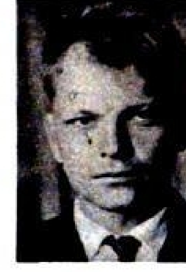

Г. Гурков

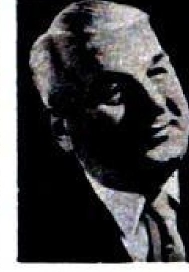

Зульфия

Ф. Кнорре

А. Ковалев

Н. Козловский

Г. Копосов

Г. Леонидзе

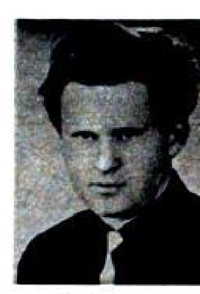

М. Луконин

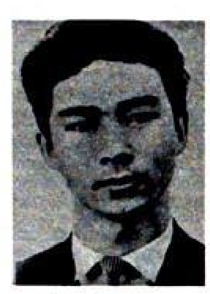

Л. Мартынов

Л. Осипова

Ю. Рытхеу

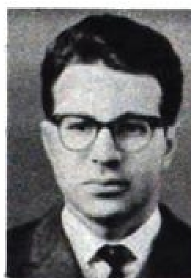

М. Савин

Ю. Салин

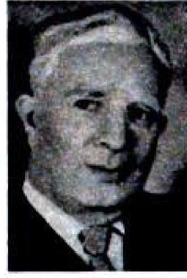

В. Санги

И. Сельвинский

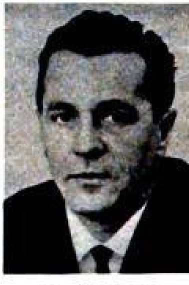

А. Сербин

В. Цветов

И. Тункель

А. Чегодаев

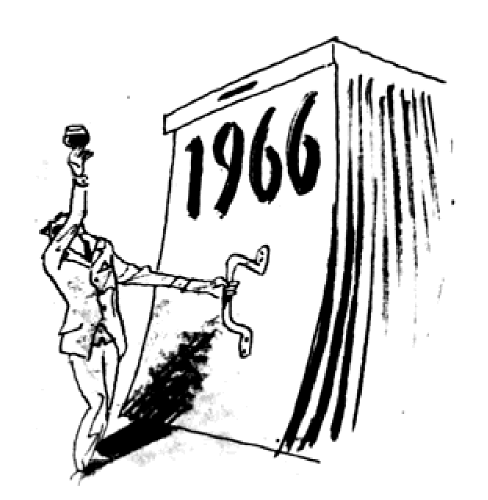

Ю. Черепанов

О. Шмелев

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1965 года.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ. Серия цветных фото «Чукотка — Магадан» (№№ 41, 49). **В. БОГАЧЕВ.** Перевод с финского языка романа-памфлета М. Ларни «Об этом помалкивают» (№№ 27—37). **С. БРОДСКИЙ.** Иллюстрации к шеститомному Собранию сочинений А. С. Грина. **В. ВИКТОРОВ.** Очерк «Чистое время» (№№ 49—50). **С. ВОРОНИН.** Рассказ «Жако» (№ 1). **В. ГЕРАСИМОВА.** Рассказ «Единственная ночь» (№ 8). **Д. ГОЛУБКОВ.** Рассказ «Отцовский табак» (№ 3). **О. ГОНЧАР.** Рассказ «Omnia vincit amor» (№ 11). **В. ГОРЯЕВ.** Иллюстрации к роману-памфлету М. Ларни «Об этом помалкивают» (№№ 27—37). **Г. ГУРКОВ.** Очерк «Путешествие к островам чудес» (№№ 50—51). **ЗУЛЬФИЯ.** Стихи «Все помыслы мои — в Шахимардане» (№ 47). **Ф. КНОРРЕ.** Рассказ «Озерки» (№ 24). **А. КОВАЛЕВ.** Оформление ряда номеров. **Н. КОЗЛОВСКИЙ.** Серия цветных фото «Сахалин — Курилы» (№№ 50—51). **Г. КОПОСОВ.** Фотоочерк «Мегнония» (№ 32). **Г. ЛЕОНИДЗЕ.** — Рассказ «Чирик и Чикотела» (№ 7). **М. ЛУКОНИН.** «Стихи из Грузии» (№ 28). **Л. МАРТЫНОВ.** «Новые стихи» (№ 20). **Л. ОСИПОВА.** Очерк «Высоко в небе летит журавль...» (№ 33). **Ю. РЫТХЕУ.** Очерки «Песня родного берега» (№ 41) и «Утренние берега» (№ 49). **М. САВИН.** Серия цветных фото «Суздаль» (№ 46). **Ю. САЛИН.** Очерк «Город, как все, но...» (№ 42). **В. САНГИ.** Повесть «Изгин» (№№ 14—15). **И. СЕЛЬВИНСКИЙ.** «Новые стихи» (№ 46). **А. СЕРБИН.** Очерки «Горизонты солнечного континента» (№ 30), «Нил спокойный, Нил бурлящий» (№ 32) и «Течет река Конго...» (№ 37). **В. ЦВЕТОВ.** Очерк «В поисках ленинской странички» (№№ 15—16). **И. ТУНКЕЛЬ.** Серия цветных фото «Матенадаран» (№ 15), «Эстония» (№ 30) и фотоочерк «Человек — человеку» (№ 23). **А. ЧЕГОДАЕВ.** Статьи «Перед картинами французских художников» (№ 36) и «Поэзия повседневности» (№ 42). **Ю. ЧЕРЕПАНОВ.** Иллюстрации к повести Ж. Сименона «Трубка Мегрэ» (№№ 5—6). **О. ШМЕЛЕВ.** Очерк «Двенадцать часов из жизни генерала Телегина» (№ 12).

Мартти ЛАРНИ

ВЗГЛЯД НАЗАД, А ЗАТЕМ — НЕМНОЖКО

Когда я был молод и кудряв, мне часто приходилось слышать: не смотри назад, смотри вперед! Но в нынешние времена необходимо смотреть и вперед и назад, да еще и по сторонам, а не то, не ровен час, попадешь под машину. Пешеход становится музейной редкостью. А поскольку автомобилисты редко ходят в музеи, они подчас забывают, что экспонаты можно осматривать, но не трогать.

Итак, я решительно считаю, что человек должен уметь оглядываться назад. А провожая уходящий год, мы просто обязаны оглянуться! И что же мы видим? Год 1965-й отмечен многими памятными событиями, из коих я позволю себе упомянуть лишь некоторые.

В начале года Финляндия переживала серьезный культурный кризис, вызвавший бурные дебаты как на страницах прессы, так и за кофейными столиками. Страсти были накалены, однако до массовых столкновений все же не дошло. Кризис удалось преодолеть лишь в начале лета. А дело-то было нешуточное. Весь народ Финляндии втянулся в полемику по принципиальному вопросу: носить ли женщинам чулки со швом или без шва. Проблему решила теплая весна: женщины стали обходиться без чулок. Но тут пострадали длинноногие женщины: сняв чулки, они оказались полуголыми. Культурный кризис такого же рода был у нас и летом 1964 года. Тогда сыр-бор разгорелся из-за женских купальных костюмов без верхней части. Но дебаты быстро прекратились, как только мужчины стали появляться в купальных костюмах без нижней части. Других культурных кризисов в Финляндии за последнее время не наблюдалось. Не считая разве что мелкого инцидента, когда одного финского писателя потянули к суду за богохульство. На мой взгляд, данный случай не должен разбирать земной суд — пусть господь бог рассчитывается со своим хулителем в царстве своем.

В марте месяце мы встречали первых весенних гостей: прилетели скворцы, приехал Михаил Шолохов. Друзья природы встречали скворцов с радостью, а охотники до земляники грозили им кулаком. Зато Шолохову все были рады от души.

В апреле из Советского Союза к нам приехали трое советских писателей, чтобы официально присутствовать при сожжении на костре одного финского литератора. Правда, сожжение было лишь символическим. За время своего краткого визита наши советские друзья имели возможность познакомиться со своими собратьями по перу и объективно оценить их достоинства и слабости, каковые можно классифицировать следующим образом:

1. Финны питают слабость к вину, черпая в нем силу.
2. Когда финн пьянеет, он идет в кабак, чтобы плакать, или в церковь, чтобы драться.
3. Святилище финнов — баня: здесь они родятся, здесь очищаются и здесь же говорят по душам.
4. Наши модернисты — неутомимые искатели: они недавно открыли секс и порнографию, а теперь принялись искать человека.
5. Финские писатели никогда не завидуют друг другу, ибо каждый считает себя достойным бессмертия.

Но самая большая слабость финнов заключается в том, что они не замечают у себя никаких слабостей.

Пусть мои советские друзья Александр Прокофьев, Николай Браун и Владимир Богачев подтвердят, что я говорю сущую правду. Если же они откажутся, я могу усомниться в их дружбе.

24 мая истекшего года в моем дневнике появились исторические записи. Я побывал в Москве и собственными глазами видел, как Михаил Шолохов добрых три часа мужественно выслушивал речи, предметом коих был Михаил Шолохов. Наконец он взял слово и, хотя ни одной из выслушанных речей ему не удалось опровергнуть по существу, все же заявил, что не считает себя виновным в том, что родился на свет 24 мая ровно столько-то лет тому назад.

В течение лета я много и усердно работал, и большие мировые события проскользнули мимо моего сознания. Дело в том, что я копался в земле, решив стать земледельцем. Я был легковерен и оказался жертвой пропаганды. Случайно мне довелось услышать выступление одного известного в Финляндии оратора, и он возгласил так: «Лишь земледелие — честное занятие, а все прочее — суета».

Разумеется, я хотел быть честным во что бы то ни стало. Я сменил перо на мотыгу и принялся за честный труд. Во дворе у нас был пустующий участок размером с простыню или чуть побольше. Как раз достаточно для скромного человека, не собирающегося выставлять свою честность напоказ. Я накупил вдоволь специальной агрономической литературы, проштудировал различные авторитетные высказывания и в довершение обратился за наставлениями к знатокам.

— Прежде всего надо купить трактор,— сказал мне директор сельскохозяйственного училища.

— У нас во дворе так тесно, что трактору, пожалуй, негде будет развернуться, — чистосердечно признался я.

— Тогда не обратиться ли вам лучше к психиатру, дорогой мой,— сказал директор и, вздохнув, начал сетовать на нерентабельность сельского хозяйства в наших условиях.

— Но ведь государство поддерживает, дает субсидии,— возразил я оптимистично.

— Государство еще и многодетным платит надбавку к жалованью. Так мой вам совет: рожайте больше детей. Это гораздо выгоднее, чем заниматься сельским хозяйством.

Меня поразил такой цинизм, и я поспешил обратиться к другому специалисту. Тот посоветовал мне прежде всего исследовать почву. Я накопал у себя во дворе немножко земли и отнес в государственную лабораторию. Там произвели анализ и дали мне следующую рекомендацию: «Чтобы ваша земля стала плодородной, необходимо каждый год вносить по тысяче килограммов извести на гектар поля».

За рекомендацию мне пришлось заплатить примерно стоимость одного газетного фельетона, но чего не отдашь за возможность заниматься честным трудом! Я купил один килограмм извести и посыпал ею вскопанную землю.

Затем я пригласил консультанта и спросил его:

— Что бы мне такое здесь посеять?

Тот поковырял в носу и задумчиво сказал:

— Можно посеять астры.

Но я отверг такое предложение. Разводить цветы слишком сложно и трудоемко. Это и горожанину известно. Мой консультант подумал с минутку и предложил наконец:

— Картошка родится лучше всего.

Отличная идея! Зачем возиться с цветами, если можно посадить картошку. Картошка для нас все. Она вкусна и в супе и на второе. А если пропустить ее через мясорубку или намолоть в кофейной мельнице, то можно получить крахмал. И превосходный клейстер для обоев. Да мало ли что еще! Я срочно достал десять кило семенного картофеля и тут же подсчитал в уме будущий урожай: осенью соберу сто пятьдесят кило! Но хоть я сажал картофелину к картофелине, а кое-где даже и в два слоя, у меня не поместилось в землю больше пяти килограммов. Так что и виды на урожай пришлось снизить вполовину.

Я ухаживал за огородом, как за родным дитятей. Поливал, полол, окучивал и дважды в неделю посыпал листочки всходов ядом для насекомых. И чего я добился? К середине сентября я получил два литра мелкой, как горох, картош-

Рисунки Ю. Черепанова.

(ЗАСТОЛЬНАЯ РЕЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД)

ВПЕРЕД

ки, а в придачу радикулит и грустное настроение. Когда я все это начинал, то забыл старую финскую пословицу: «Чем глупее фермер, тем крупнее картошка».

Я разочаровался в земледелии и начал снова писать, хоть и знал, что писательство — сущая суета. За лето я понял печальную истину: если картошку поливать да поливать — вырастает одна ботва. Осенью мне стало ясно и кое-что другое. Теперь я больше не удивляюсь тому, что наше государство оказывает сельскому хозяйству

всевозможную поддержку. Надо бы нашим земледельцам попробовать разводить бананы. А убытки покроет государство.

С большим трудом я избавился от тяжелого картофельного комплекса и начал снова интересоваться мировыми событиями. В сентябре миллионы телезрителей и радиослушателей западного полушария оказались свидетелями большой человеческой драмы. Президент США публично прослезился! Подумать только, прослезился! Нет, он плакал, конечно, не о том, что где-то там умирали под бомбами мирные люди, что где-то там расстреливали женщин и детей, что где-то там линчевали негров. О них он не стал бы лить слезы. Причина была более трогательная: президенту доложили, что американский летчик, который защищал в далеком Вьетнаме свободу Соединенных Штатов, вдруг попал в плен и его, видите ли, допрашивали. Говоря об этом, президент расплакался, как ребенок, заливая микрофон горькими слезами. Его чувствительной младенческой душе нанесли тяжелый удар. Его президентская наивность никак этого не ожидала. Мне кажется, миру крайне необходимы такие вот христианские плакальщики. Я бы предложил наряду с конкурсами всевозможных «мисс» проводить международные конкурсы плакальщиков. Но только с условием, чтобы на них не допускались влюбленные. Потому что влюбленному плакать — одно удовольствие. Мой покойный отец говорил: «Любовь — как лук: чем крепче и слаще, тем больше наплачешься».

В самом конце сентября восемь финских писателей встретились с советскими писателями в Ленинграде. Об этой встрече ее финские участники говорили и написали столько хороших слов, что прибавить уже ничего невозможно. Но одно маленькое замечание все-таки я хочу сделать: во время ленинградской встречи никто не плакал. Стало быть, старинный миф о слезливости финских писателей был начисто опровергнут.

В октябре Шведская академия, оглянувшись назад и пробегая пытливым взором прожитые годы, с удивлением заметила, что Нобелевская премия по литературе до сих пор не была присуждена Михаилу Шолохову. Академия, вероятно, слыхала финскую поговорку: «Лучше поздно, чем никогда,— сказала бабка, бросая дрожжи в печку!»

И, как ни удивительно, на этот раз хлеб все-таки поднялся наславу! В Финляндии радовались многочисленные читатели Шолохова и его издатель. Моя жена так обрадовалась, что чуть не задушила меня в своих объятиях. Лично мне премия Шолохова принесла и материальную выгоду. Дело в том, что я заключил пари с одним финским писателем. И вот — выиграл две бутылки коньяку! Правда, мой приятель пока еще не расплатился со мной, но если он не расквитается до 15 января 1966 года, я начну преследовать его молодую жену.

В начале декабря Михаил Шолохов был у меня дорогим гостем. Разумеется, мы говорили с ним о литературе и о задачах писателя, но все же больше занимали нас вопросы земледелия.

— Вы, финны, счастливый народ, вон у вас как много снега. Это благодать для озимых, которые дают обильный урожай. В донских степях гуляют морозы, а снега нет. Снег позарез нужен,— говорил Михаил Александрович.

Я посмотрел в окно. Снега на дворе было хоть отбавляй. Отличный снег. Толщина — два метра! Как-то не хотелось говорить о моем урожае картошки, я перевел разговор на литературу.

* * *

Вот что вспоминается мне, когда я сегодня пробегаю взглядом прошедший год. Но надо поглядеть и вперед. Я не очень-то уверен в своих пророческих способностях, однако позволю себе высказать несколько новогодних пожеланий и надеюсь, что новый, 1966 год исполнит их все без изъятия.

Желаю государственным мужам, чтоб им не пришлось в 1966 году проливать слезы ни в микрофон, ни в подушку.

Желаю моей жене получить в наступающем году долгожданную шубку (и чтоб она перестала пилить меня за пристрастие к табаку и за дурную привычку писать по ночам).

Желаю, чтобы советские и финские писатели нашли общий язык во время предстоящей встречи в Хельсинки.

Желаю, чтобы мою родину миновали серьезные кризисы и чтобы в Хельсинкском университете по крайней мере в ближайшие годы не пришлось создавать факультета порнографии, хоть этого и добиваются некоторые молодые люди.

Желаю сердитым молодым людям из числа финских литераторов прославиться не столько отращиванием бородок, сколько созданием подлинных произведений художественной литературы. Потому что борода растет сама собой, тогда как хорошей книжки не написать без труда.

Себе я желаю, чтобы меня пока еще не повесили на вешалку и не сдали в камеру хранения, хоть я и говорю открыто, что ненавижу войну, с отвращением думаю о расизме и расистах, а в последнее время стал даже говорить об этом во сне.

И, наконец, я желаю «Огоньку» быть таким же красочным, красивым и содержательным, печатать еще больше интересных рассказов и увлекательных повестей с прекрасными иллюстрациями.

А всем читателям «Огонька» от души желаю, чтобы 1966 год оказался еще светлее и плодотворнее, чем минувший год.

Что же касается лично меня, то я прошедшим годом, в общем-то, доволен. Лишь одна маленькая загвоздочка осталась в душе: надо бы мне посеять во дворе не картошку, а подсолнухи.

Елка иллюзиониста.
Рисунок В. Каневского.

Без слов.

— Тебе кто вяжет!
— Маманя.
— Эх! А мне жена...

— Коля, лыжню! Тренера несет!

Рисунки В. Воеводина.

— Саша! Дед Мороз пришел!
— Да это мой папка! Он мне дома репетициями надоел.
Рисунки В. Воеводина.

Принудительный ассортимент...
Рисунок И. Сычева.

В «ОГОНЕК» «НА ОГОНЕК»

ВСТ

С КОРОЛ

Они нашли общий язык: Жак Греп и Вячеслав Зайцев.

О модах сегодняшних и завтрашних шла речь на очередном заседании клуба «На огонек». Нашими гостями были генеральный инспектор известной парижской фирмы «Кристиан Диор» Жак Греп и художник Общесоюзного Дома моделей Вячеслав Зайцев.

Мы думали, что именно здесь произойдет их первое знакомство, и ошиблись: представители прославленных фирм давно слышали друг о друге.

...Столетиями Париж диктовал фасоны женских туалетов. И, естественно, в беседе были затронуты такие животрепещущие вопросы, как длина юбок, форма шляп и высота каблуков... Конечно, эти важные проблемы волнуют прежде всего прекрасную половину рода человеческого и, возможно, будут менее интересны для другой половины. Но все же мы решили не держать в секрете тайны моды и красоты и поделиться ими с нашими читателями.

Наш французский гость начал с истории. Фирма «Кристиан Диор» сравнительно молода. А признанным законодателем мод она стала лишь после войны. Тот, кто дал фирме свое имя,— Кристиан Диор — прославился после того, как создал свою первую коллекцию моделей, совершив в туалетах подлинный переворот. Его идеалом был мягкий, естественный силуэт.

— Первая же демонстрация моделей Диора произвела в Европе сенсацию, подобно...— тут господин Греп не сразу смог найти сравнение,— подобно вашему спутнику... Я шучу, разумеется...

Женский туалет не может быть завершен без таких аксессуаров, как сумка и перчатки, чулки и белье, шляпы и, наконец, украшения. Все это со временем стала выпускать фирма «Диор».

Что же еще необходимо для женственности и подлинной элегантности? Конечно, косметика и тонкий аромат. И фирма начала производить лаки, губную помаду, одеколон и духи.

И с этих пор фирма окончательно завоевала все женские сердца.

— Не каждая женщина имеет возможность одеваться в нашей фирме,— продолжает господин Греп,— но...— заключает он, смеясь,— все женщины должны пользоваться нашей губной помадой. Я в Москве с деловыми предложениями. И буду очень рад, если в скором будущем вы продолжите знакомство с продукцией нашей фирмы.

— Что модно сейчас в Париже? — спросили господина Грепа.

— Мы живем в эпоху большой простоты туалетов. Парижанки носят сейчас совсем прямые мягкие платья, с чуть подчеркнутой, но не затянутой талией. Колени закрыты. Никаких бантов и воланов. Цвета неяркие, жухлые, преобладают розоватые, желтоватые, серые. И, как всегда, модно черное и белое. Мы, фирма «Кристиан Диор», считаем, что на туфлях надо оставить тонкие каблуки — они делают фигуру более женственной. Разве только чуть выпрямить их. Вечером следует надевать чулки без шва. В косметике пользуются в основном пастельными тонами.

— А что будут носить в 1966 году?

— Пока еще секрет. Наш художественный директор вот уже два месяца сидит, запершись в своем кабинете, и готовит новую коллекцию. Эти модели будут показаны в конце января. Я обещаю их вам прислать, как только они появятся. Таким образом, москвички увидят их в одно время с парижанками.

Редакция, разумеется, не станет держать эту коллекцию в секрете и обязательно опубликует на страницах «Огонька».

— А у нашей фирмы нет тайн,— вмешивается в разговор советский законодатель мод Вячеслав Зайцев.

Но, прежде чем Зайцев продолжит свой рассказ, позвольте представить его.

Слава Зайцев никогда не предполагал, что станет художником-модельером. Сначала он поступил в химико-технологический техникум в Иванове. Там, на факультете прикладного искусства, он впервые начал рисовать. Окончательно определилась его специальность в Московском текстильном институте.

На фабрике в городе Бабушкине, где он работал после окончания института, молодой художник создал серию моделей для села. Они произвели «сенсацию»: многие пришли в ужас от цветных стеганых курток, юбок, брюк и валенок. А через два года все эти наряды стали весьма популярны.

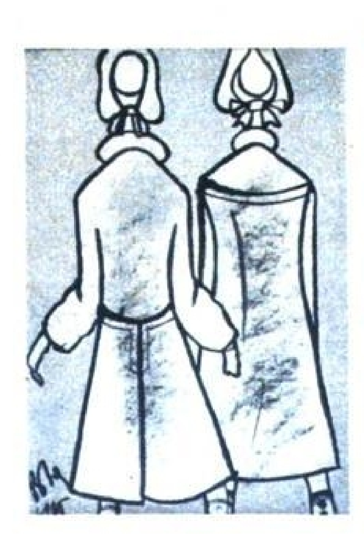
Сейчас Зайцев — художник-модельер Общесоюзного Дома моделей.

Наверное, приятно и полезно иметь другом такого специалиста по модной одежде. Но теперь поставьте себя на место Славы Зайцева, у которого много друзей и никому нельзя отказать в консультации. Он дает их с легкостью и потому, кроме эскизов, которые делает в Доме моделей, он ежедневно рисует еще несколько

У нас в 1966 году будут модны вот эти силуэты.

РЕЧА

для своих приятелей и знакомых. Слава охотно выступает с лекциями о модах. Как и всякий человек, бесконечно влюбленный в свое дело, он с удовольствием рассказывает о своей профессии.

А теперь предоставим ему слово.

— Вам, наверное, очень интересно узнать, что будет модно у нас в 1966 году? Дом моделей предлагает несколько характерных силуэтов. Полуприлегающий — прямой и расширяющийся книзу. Юбка расклешенная либо со складками. Складки могут быть мягкие или сильно, как на мужских брюках, заутюженные, расходящиеся внизу. Полуприлегающий силуэт с заниженной талией, юбка книзу расширяется.

Материалы на платья и костюмы предпочтительно плотные, такие, какие идут обычно на пальто. Платья очень короткие, поэтому хорошо их дополнить ажурными чулками, а летом — гольфами.

Пальто типа редингот — очень широкие внизу, короткие. Шляпы маленькие, типа беретов или вроде шлемов. Цвета голубые, золотистые, розовые. Или так называемая рязанская гамма — ярко-красные и ярко-зеленые.

Что касается каблуков, мы расходимся во мнениях с нашим парижским коллегой. И рекомендуем днем утолщенные, квадратные. Право же, они намного удобнее. Вечером — другое дело: можно носить высокие и тонкие. Прически — короткая стрижка либо гладкие волосы, а сзади — шиньон, украшенный большими и маленькими бантами.

И, конечно,— продолжает Зайцев,— мода модой, но каждая женщина должна одеваться в том стиле, который ей больше всего подходит, и стараться не изменять ему. Лично я люблю чистую палитру и плоские геометрические формы. Они больше всего подходят к нашему деловому веку. Да и шить платья такого рода можно из дешевых синтетических тканей. Ведь модели фирмы «Кристиан Диор» делаются все из дорогих натуральных шелков и шерсти и поэтому доступны далеко не всем.

Мы можем гордиться, что во многих странах сейчас с удовольствием покупают модели нашей одежды, а не только «Москвич-408», станки и фотоаппаратуру.

Но, к сожалению, должен сказать, что путь, который проходят наши модели от стола художника до покупателя, очень сложен и тернист.

Начнем с того, что художественный совет, утверждающий наши модели, состоит из кого угодно и меньше всего из художников. Никто, не имея специального образования, не станет себя считать специалистом, допустим, в самолетостроении. А вот в искусстве мод специалистами считают себя все. Приходится воевать. А пока идет война, мода устаревает.

Когда же модель попадает наконец на фабрику, закройщик, мастер или рабочий, борясь за режим экономии, нередко с легкостью ликвидирует клапаны, пуговицы, карманы. И платье теряет свою первоначальную привлекательность.

И все-таки мы, художники, будем стараться. Для вас, женщины...

Репортаж с заседания клуба «На огонек» вели Т. ТРОИЦКАЯ и В. ПРИВАЛЬСКИЙ.

ЯМИ МОД

А этот ансамбль предлагает Общесоюзный Дом моделей.

Фото Г. Санько.

Платья из последней коллекции фирмы «Кристиан Диор», которые были показаны в августе 1965 года.

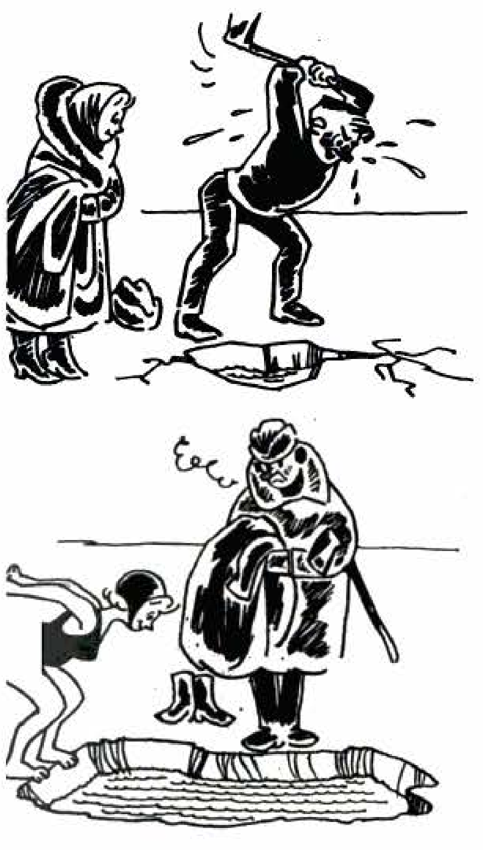

Рисунки В. Зайцева.

Без слов.

Рисунок Б. Боссарта.

— Поворачивай, дед, мы еще за июль план гоним.

Рисунок В. Воеводина.

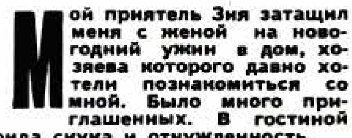

Без слов.

Рисунок А. Грунина.

ЭТО СО?

Азиз НЕСИН

Мой приятель Зия затащил меня с женой на новогодний ужин в дом, хозяева которого давно хотели познакомиться со мной. Было много приглашенных. В гостиной царила скука и отчужденность.

— Погодите,— сказал хозяин дома,— придет Фикри бей — он потешит нас.

Гости оживились, стали наперебой восхвалять Фикри бея, восхищаться его способностью распространять вокруг себя веселье.

— Вы знакомы с ним? — спросили меня.

— Нет.

— О-о-о, жаль! Увидите Фикри бея — влюбитесь.

Он пришел. Все зааплодировали, закричали:

— Фикри бей!.. Фикри бей!..

Я настроен против людей, которых превозносят до небес, но этот толстячок сразу покорил меня. Он вошел — и всем стало легко и весело. Каждое его слово вызывало у присутствующих смех. Я сказал себе: «Слова и жесты Фикри бея не имеют власти надо мной. Не буду смеяться!» Однако не смог. Постепенно я оттаял, улыбнулся, затем рот мой растянулся до ушей, и, наконец, я принялся хохотать. Он не был назойлив, не утомлял, и это было самое очаровательное в нем.

— Кто этот Фикри бей? — спросил я Зию.

— Он педагог. Четыре года жил в Швейцарии, изучая проблемы детского воспитания. Шесть лет работал в Америке. Фикри бей — специалист в области детского воспитания. Выступает по радио с лекциями. У него труды на турецком, французском, английском языках. Пишет научные статьи для газет и журналов.

Мой интерес к Фикри бею возрос. Я не встречал ничего подобного за всю мою жизнь. Он говорит: «Стол...» — мы хохочем, говорит: «Дверь...» — хохочем. Вот уже от смеха из глаз моих текут слезы.

— Ух, уморил, Фикри бей, замолчи!.. Ха-ха-ха!..

— Умоляю, Фикри бей, довольно!.. Хо-хо-хо!..

Кто схватился за живот, кто согнулся вдвое, кто упал на ковер: «Хы-хы-хы!.. Хе-хе-хе!.. Хи-хи-хи!..»

Я был поражен. Невероятно! Невиданно! Но более всего меня удивило лицо Фикри бея, на котором не было и тени улыбки. Я подошел к нему и спросил:

— Откуда в вас столько веселости? В чем ваш секрет?

— Секрет прост,— ответил Фикри бей.— Вы не должны сердиться. Никогда! Мне сорок восемь лет, и я до сего дня ни разу не рассердился.

— А если вас оскорбят?

— Не рассержусь. Улыбнусь, отнесу это за счет вашей невоспитанности.

Мы заговорили о детском воспитании.

— Представляю, Фикри бей, как вы воспитываете своих!..

— К сожалению...

— Как?.. А ваш педагогический метод?

— У меня нет детей.

— А-а-а... Ваша супруга бездетна?..

— Я не женат.

Что может понимать в детском воспитании человек, который не был женат и не имеет своих детей? Я сразу скис. Однако мое состояние продолжалось недолго. Сам не заметил, как опять принялся хохотать.

Из соседней комнаты донесся детский крик.

— Что там? — спросил Фикри бей.

— Наш сорвиголова изводит очередную гувернантку,— объяснила хозяйка дома.

— В это время дети спят,— заявил Фикри бей.— Раз вы не уложили мальчугана, он должен находиться со взрослыми. Приведите ребенка!

— Ох, Фикри бей!.. Он доведет вас до белого каления.

— Ребенка нельзя предоставлять самому себе. Приведите!

— Чертенок испортит нам вечер,— вмешался отец.

— Я настаиваю, приведите!

Хозяйка ушла и вернулась с карапузом лет четырех, подвижным, как юла. Вначале он дичился, попав в общество взрослых. Фикри бей вынул из сигаретной коробочки полупрозрачный листок и сделал из него крошечную лодку. Малыш оживился, спросил:

— Это со?

— Лодка,— ответил Фикри бей.

— Это со? — опять спросил ребенок.

— Лодка, видишь, лодка. Красивая лодочка! — И объяснил нам:— В этом возрасте все дети такие. Без конца спрашивают. Сейчас устанавливаются их связи с окружающим миром. Чем больше ребенок спрашивает, тем выше его интеллект. Радуйтесь! На вопросы надо отвечать терпеливо, обстоятельно, словно перед вами взрослый человек.

— Это со? — спросил малыш.

— Лодка,— повторил Фикри бей.— Она плавает по морю.

Он сделал из бумаги челнок, человечка, автомобиль. Ребенок проникся к нему доверием. Даже я вынужден был признать.

— Что значит наука! Смотрите, как быстро они сошлись!

— Это со? — спросил малыш.

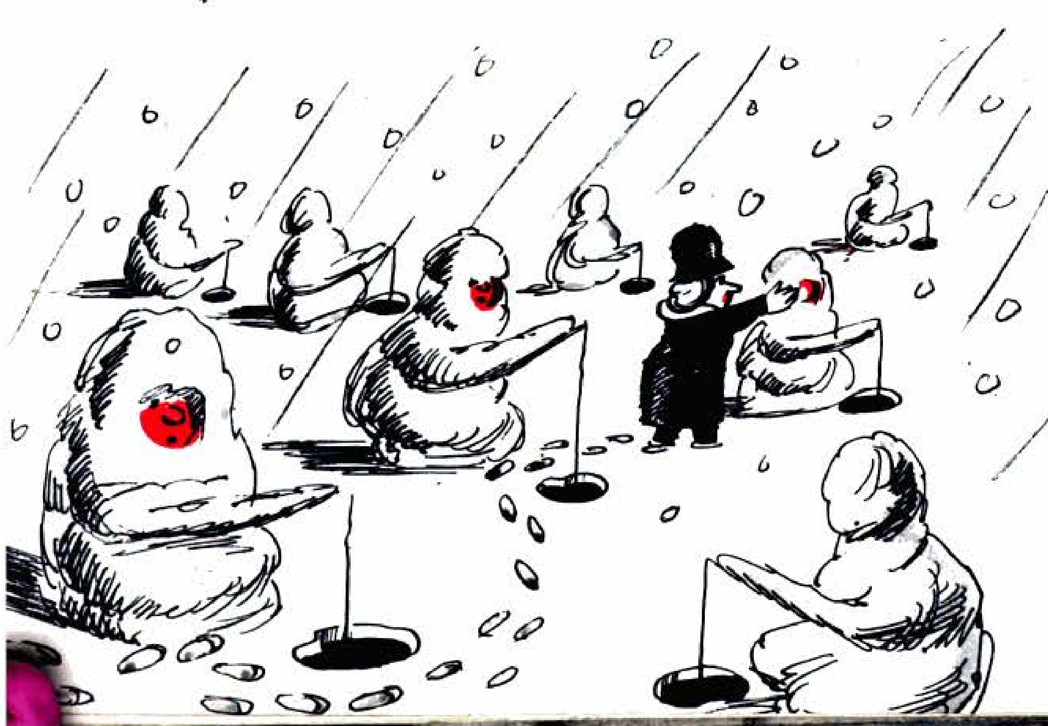
— Волчок.

— Это со?

— Это?.. Часы.

— Это со?

— Самовар.

— Это тоже не он!..

Рисунок А. Грунина.

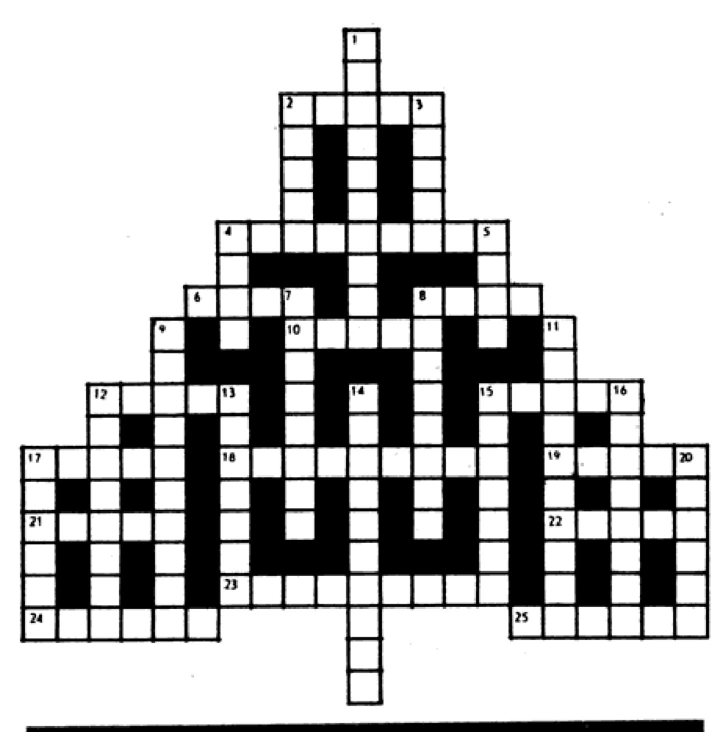

— Ну, старик, теперь выкладывай подарки.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Это со?
— Краник самовара.
Малыш указал пальцем на пышный бюст одной из дам.
— Это со?
— Это?.. Гм... декольте.
— Нет, нет, это со?
— Декольте.
— Нет, нет, это со?
— Грудь.
Малыш показал на круглый металлический выступ на крышке самовара.
— Это со?
— Самовар.
— Нет, это со?
— Да самовар же, сынок!
Фикри бей обернулся к нам.
— Ни в коем случае нельзя сердиться. В детском воспитании об этом надо забыть.
— Это со?
— Это?.. Нога.
Малыш показал на платье одной из дам.
— Нет, нет, это со?
— Подол.
— Это со?
— Пелерина, сын мой. Эта часть платья называется пелериной.
— Это со?
Кровь прилила к лицу Фикри бея.
— Подол, подол, подол!..— Но он мгновенно взял себя в руки.— Сердиться нельзя. Терпение, только терпение. Вы ни в коем случае не должны сердиться.
— Это со?
— Часы.
— Это со?
— Колесико часового завода.
— Это со?
— Ну-ка поиграй немного с лодочкой.
— Это со?
— Подол.
— Нет, нет, это со?
— Декольте.
— Это со?
— Грудь.
Фикри бей сунул в руки ребенка самодельные бумажные игрушки и пересел в другое кресло. Но малыш подбежал к нему и, показав ручонкой на лицо одного из гостей, у которого был очень крупный нос, спросил:
— Это со?
— Это?.. Это нос.
— Это со?
— Нос, но-ос... Но-о-ос... Ты понял, нос?
Малыш без конца показывал на нос.
— Это со?
— Нос, нос, нос!..
Фикри бей сказал нам:
— Вы не должны раздражаться. Ни в коем случае! Будете объяснять, пока ребенок не уразумеет. Десять, сто, тысячу раз! Лишь бы малыш усвоил.
— Это со?
— Нос.
— Это со?
— Но-ос!.. Но-ос!.. Но-ос!..
Подбородок и брови Фикри бея странно задергались.
— Это со?
Я видел, нервы Фикри бея напряжены до предела. Понизив голос, он сказал нарочито ласково, умоляюще:
— Нос, нос, деточка, нос, малыш, нос...
— Это со?
Фикри бей сунул пальцы за воротничок и рывком ослабил галстук.
— Нос. Нос, сыночек... Орган, который ты видишь у дяди на лице, называется носом.
— Это со?
Фикри бей снял пиджак.
— Нос!
— Это со?
— Нос, тебе говорят! Ах, ты!..— Но он вовремя спохватился: — С ребенком нельзя обращаться грубо. Вы поняли? Ни в коем случае.
— Это со?
Он нежно протянул:
— Но-о-о-с...
— Это со?
— У-у-у-х!..— Однако он тут же взял себя в руки.— С ребенком надо терпеливо заниматься. Сердиться нельзя. Прежде всего терпение. Необходимо отвечать на каждый его вопрос.
— Это со?
— Это?.. Это... как его... туфля.
— Это со?
— Нога.
— Это со?
— Подол. Тетин подол.
Фикри бей побагровел. Опять сменил кресло. Но мальчуган не отходил от него ни на шаг.
— Это со?
— Нога.
— Нет, нет, это со?
— Тьфу, непонятливый!.. Сказал тебе, нос!..
Вдруг этот обходительный, уравновешенный человек вскочил с кресла и начал рвать на голове волосы.
— Это со? — спросил мальчуган.
Фикри бей забегал по комнате, выкрикивая:
— Это со?! Это со?!
Он и малыш наперебой спрашивали друг у друга: «Это со?.. Это со?..» Мальчуган, решив, что дядя играет с ним в новую игру, заливался восторженным смехом.
— Это со? — спросил он.
— Грешный плод твоей матушки! — воскликнул Фикри бей.— Понял теперь? — И, в свою очередь, спросил: — Это со?
В гостиной воцарилась гробовая тишина. Ребенка поспешно увели. Мы с женой поблагодарили хозяев дома, распрощались и ушли, не отведав новогоднего пирога.
Позже мы узнали, что Фикри бей по-настоящему свихнулся. Несколько месяцев он твердил, как попугай: «Это со?.. Это со?..» Затем выздоровел и уехал в Америку. Сейчас он там профессор педагогики.

Сокращенный перевод с турецкого И. Печенева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Танец. 4. Лента из цветной бумаги. 6. Атмосферные осадки. 8. Парфюмерное изделие. 10. Ящерица. 12. Шерстяная пряжа для вышивания и вязания. 15. Концентрированный раствор сахара. 17. Накладные волосы. 18. Действующее лицо оперы Л. Бетховена «Фиделио». 19. Кондитерское изделие. 21. Народный артист СССР. 22. Млекопитающее семейства оленей. 23. Прибор, указывающий скорость автомобиля и пройденный путь. 24. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 25. Грязевой курорт в Сибири.

По вертикали:

1. Поздравительная депеша. 2. Время суток. 3. Стихотворная форма. 4. Зимняя повозка. 5. Город в Азербайджане. 7. Выступление артиста или коллектива в другом городе, стране. 8. Порт в Объединенной Арабской Республике. 9. Сатирический рисунок. 11. Помещение для изучения влияния высотных условий на организм человека. 12. Украшение из цветов и зелени. 13. Часть слова. 14. Героиня русской сказки. 15. Американский писатель. 16. Накидка на плечи. 17. Меховая шапка. 20. Автор балета «Сказка о попе и работнике его Балде».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

1. Североуральск. 6. Конь. 7. Шуба. 9. Ярославна. 12. Рапорт. 13. Стекло. 14. Шрифт. 16. «Проселок». 17. Крылатка. 19. Анонс. 20. Дракон. 22. Канада. 24. Древесина. 26. Торф. 27. Кадр. 28. Лексикография.

По вертикали:

1. Санд. 2. Евфрат. 3. Угольник. 4. Лемнос. 5. Клуб. 6. Корреспондент. 8. Аккомпаниатор. 10. Побасенка. 11. Пергамент. 14. «Школа». 15. Торос. 18. Сорренто. 21. Наркис. 22. Куница. 23. Орел. 25. «Баня».

Ц. СОЛОДАРЬ

НОВОГОДНИЕ КОЛЮЧКИ

РАССКАЗ ОРУДОВЦА

Однажды в студеную зимнюю пору
Стою на посту — я к морозу привык!
Гляжу, поднимается быстренько в гору
И пост проскочить норовит грузовик.
— Путевку!
Левак — здоровенный детина —
Захныкал:— Простите, поймите, прошу!..
— А елки откуда?
— Из лесу, вестимо.
Но рубит напарник, а я отвожу.
Составил я вмиг протокол без помарок
О елочных «играх» обоих верзил,
И дали в суде новогодний подарок
Тому, кто рубил, и тому, кто возил.

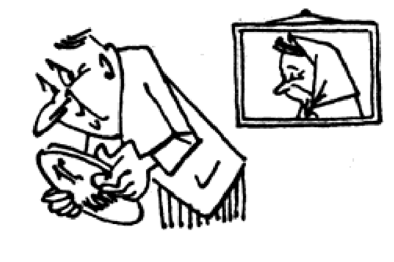

НЕОДОЛИМЫЙ БАРЬЕР

Я знаю девушку:
План годовой
Она в цеху закончила досрочно,
И на дорожке ледяной
Всех раньше к финишу пришла,
И все до одного экзамены в заочном
Еще до сессии сдала!
На стадионе, в институте и в цехах
Напористой слывет,
Настойчивой и смелой.
Но...
Потолкавшись в четырех очередях,
Она под Новый год
Прически сделать не сумела.

БЛЕСТЯЩИЙ ВЫХОД

В универмаге залежи товара —
Дрянное качество, фасоны стары.
Казалось, выхода тут просто нет...
— А Новый год зачем?— спросил товаровед.—
Все расхватают так,
Что небу станет жарко!—
И сплавил залежи в отдел подарков.

ПО ТАБЕЛИ О РАНГАХ

Начальника поздравил телеграммой
(На бланке яркокрасочном притом!)
Поздравил телеграммою и зама
(Естественно, на бланке на простом!)
Открытку нежную послал главбуху.
Затем убытки принялся считать
(На поздравленья кучу денег ухнул!)
И доплатным письмом поздравил мать.

Клавдия Шульженко.

Вы узнаете их? А ведь в новогоднюю ночь они наверняка были с вами. Их голоса звучали в любой квартире, где светились окна и сидели люди за праздничным столом; песня и ее лучшие исполнители навевали мечты и воспоминания. А в больших залах, где у елки собралась молодежь, песня, веселая, темпераментная, звала в круг, приглашала на танец.

Вальс! Вальс! Вальс!

Его дарит вам Клавдия Ивановна Шульженко.

— Вальс — это мой любимый танец. Сколько в нем благородства, женственности, грации, чистоты! Очень люблю танцевать его, даже призы когда-то получала. И люблю петь вальсы. К новому году я вместе с моим аккомпаниатором Б. Я. Мандрусом подготовила новую программу. Премьера ее будет в Ленинграде. В этом городе в 1929 году я впервые запела с эстрады; здесь все годы войны я старалась песней помогать людям; тогда лейтенант Максимов подарил мне «Синий платочек», который я до сих пор пою.

С огорчением расстаемся мы с Клавдией Ивановной и, оставив ее в компании внучек, привычно примостившихся у рояля, отправляемся на встречи с другими любимыми менестрелями.

Москонцерт. Росконцерт. Госконцерт. Обойдя все эти организации, мы узнали, что Людмила Зыкина гастролирует в ГДР и интервью с ней нам в этом году вряд ли дождаться. На русскую песню и ее лучшую исполнительницу такой спрос во всем мире, что землякам, к сожалению, приходится преимущественно довольствоваться грамзаписью.

Муслима Магомаева тоже нет дома. Собственно, в Азербайджане уже давно к этому привыкли и удивляются, когда Муслим в Баку, а не в Москве или Милане. Сейчас он по просьбе меломанов Дальнего Востока приехал к ним в гости. И в то время, как в столицах в новогоднюю ночь звучит его голос, сам он вместе с Азербайджанским эстрадным ансамблем будет петь веселые песни морякам Владивостока или рыбакам Благовещенска: в 23 года очень приятно петь людям веселые песни.

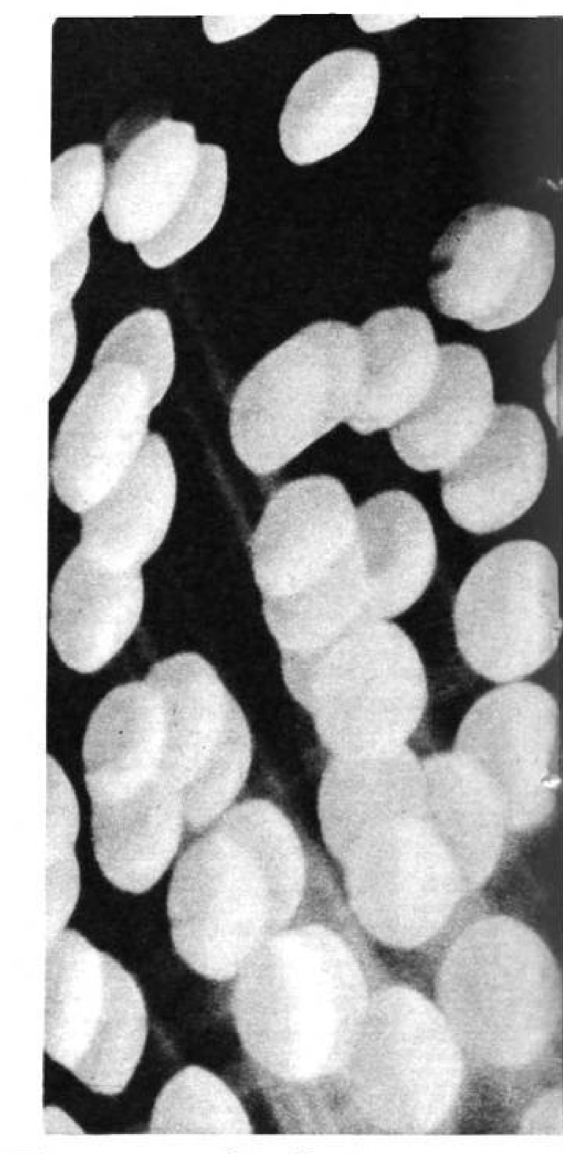
Поэтому и Эдуард Хиль охотно путешествует с песней по свету. Лето принесло ему международное признание — 2-е место на фестивале в Сопоте, где соревновались певцы и песни всего земного шара. Зима... Едва она появилась на пороге, Хиль отправился в Ашхабад — представлять русское искусство.

Трудное представительство было в этом году у Эдиты Пьехи. С коллективом советских артистов она поехала на гастроли во Францию — на свою родину. Почти 20 лет прошло с тех пор, как покинула маленький городок 9-летняя Эдит. Долгие годы жила она в Польше. Там окончила школу с отличием, и ее послали в советский университет. Она училась в Ленинграде на философском отделении, готовилась стать ученым, а стала певицей. В Париже советская артистка, дочь погибшего французского шахтера, пела о прекрасных, поэтичных белых ночах Ленинграда, о том, как уверенно, спокойно и радостно шагает она по своей Москве. А когда певица уехала домой, ее песня, приютившись на маленьких черных дисках, осталась там, в далекой стране ее детства. И, может, звучит и в эту новогоднюю ночь.

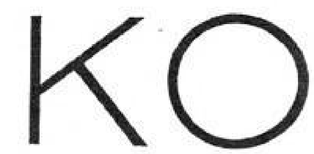
Остались во Франции и песни Николая Сличенко — «цыгана из легенды», как называли его французские зрители. Поистине жизнь его казалась им легендой. Юность прошла в цыганском колхозе. Проезжая через Москву, случайно попал он в театр (это был «Ромэн») и остался в нем. Превосходные внешние данные, темперамент, обаяние, очень приятный голос, а главное, влюбленность в сцену помогли ему быстро стать заметным. Но слава не задурманила голову: известность известностью, но нужны знания. И ведущий актер театра садится за школьную парту — учить физику, алгебру, тригонометрию... Нельзя сегодня в искусстве без образования. В 1963 году получает он аттестат за 10 классов; теперь его мечта пойти в ГИТИС, на режиссерский факультет. И еще мечтает он, чтобы чаще звучала в мире цыганская песня, не ресторанная, какую встретил он во Франции, а подлинная, народная, горячая, та, что в душу проникает.

Но какой Новый год без песен Татьяны Шмыги? Так думает и наш тезка «Голубой Огонек». В новогоднем «Огоньке» она поет песенку о московском времени, которое бежит очень быстро. Татьяна Ивановна может судить о быстротечности времени. Ведь, кажется, совсем недавно окончила она ГИТИС, но с тех пор с какой только профессией не встречалась на сценических подмостках: была и физиком, и химиком, и архитектором. Советские композиторы охотно вверяют ей свои замыслы. Ну, а какие новогодние мечты у самой артистки?

— Какие уж тут замыслы, когда мне с Новым годом ужасно не повезло! Я имела неосторожность родиться 31 декабря. И каждый раз, когда наступает день моего рождения, всем не до меня.

Эдита Пьеха.

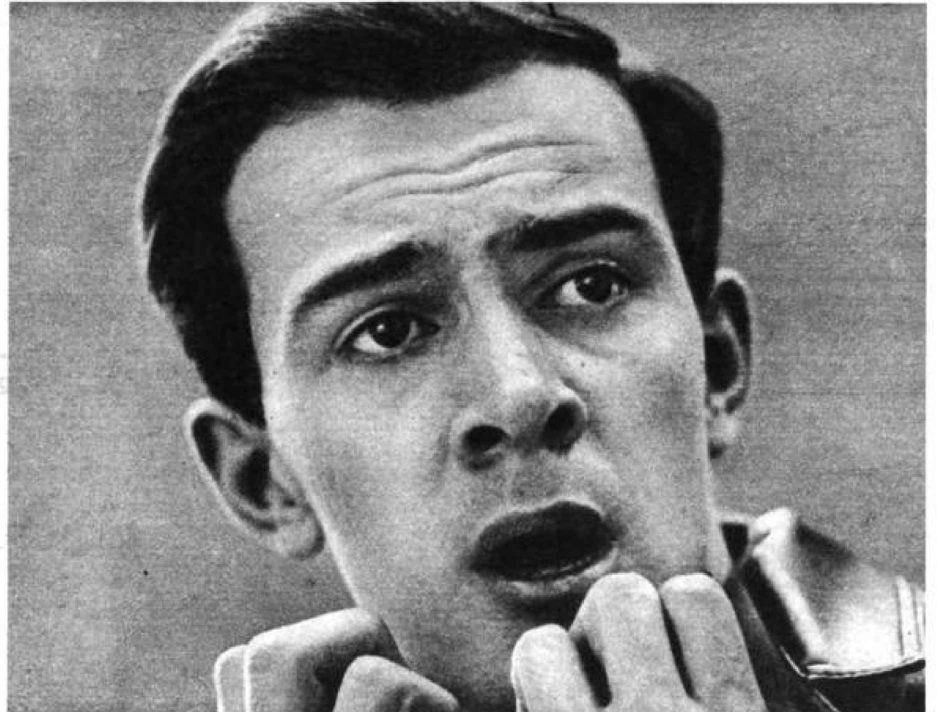

Эдуард Хиль.

Людмила Зыкина.

Муслим Магомаев.

Репортаж И. ВЕРШИНИНОЙ,
Р. ЛИХАЧ, М. СЛАВИНА,
Р. ФЕДОРОВА, К. ЧЕРЕВКОВА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

ГДА ПОЕТ ДРУГ

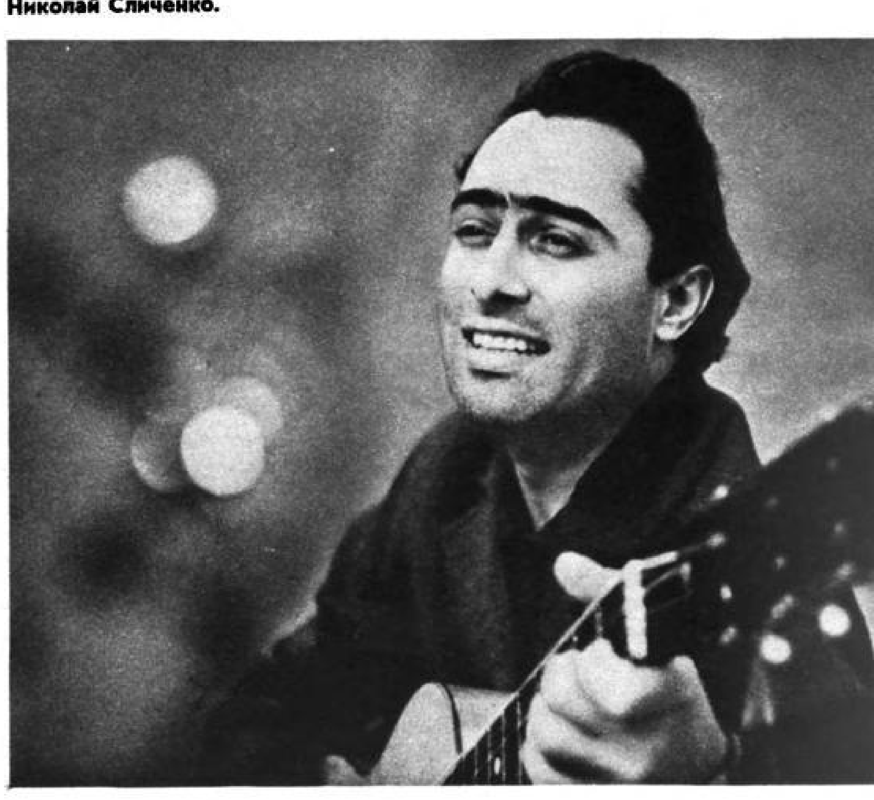

Татьяна Шмыга.

Николай Сличенко.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-23; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02143. Подписано к печати 28/XII 1965 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 3566. Тираж 2 100 000. Изд. № 32.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663